Пермские
сказки

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Пермские сказки

Современный фольклор Прикамья

Собрал и составил Иван Подюков

Пермь Издательство ПРИПИТ 2000

УДК 389
ББК 82.3(2Рос=Рус)
П 275

Печатается по решению Научно-методического совета университета

Пермские сказки. Современный фольклор Прикамья. /Сост. д-р филол. наук И. А. Подюков; Перм. гос. пед. ун-т.— Пермь: Изд-во ПРИПИТ, 2000.— 70 с.

Научно-методическое издание

Пермские сказки

Современный фольклор Прикамья

Составитель Иван Алексеевич Подюков

Редактор А. Волков

Художник А. Екубенко

Изд. лиц. ЛР № 040860 от 8.12.97 Подписано в печать 2.02.2000
Бум. ксероксная. Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 4,50. Уч.-изд. л. 2,39. Тираж 500 экз. Заказ 24.

Изд-во Пермского регионального института педагогических информационных технологий

614060, Пермь, б. Гагарина, 37а.

ISBN 5–8187–0009–7

© И. А. Подюков, 2000
© Издательство ПРИПИТ, 2000

От составителя

Описание пермской сказочной традиции имеет свою историю. В 50—60-х гг. XIX века появились материалы известного уральского фольклориста А. Н. Зырянова (некоторые из них вошли в классическое собрание русских сказок А. Н. Афанасьева). Записывал в начале XX века сказки в Чердынском уезде известный отечественный фольклорист Н. Е. Ончуков. Д. К. Зеленин, выдающийся русский этнограф и фольклорист, работавший не только в Пермской, но и в Костромской, Оренбургской, Московской, других губерниях, в 1914 г. издаёт «Великорусские сказки Пермской губернии» (Пбг., 1914). Это ставшее уникальным собрание содержит записанные в начале века сказки Верхотурья, Соликамского уезда, ряда селений Прикамья (Добрянка, Половодово, Кузьмодемьянск). Сказки были получены Д. К. Зелениным от других собирателей фольклора (прежде всего, А. Вологдина, М. Аликина), публиковались в «Пермских губернских новостях». Многие тексты собрания Д. Зеленина трудно с чем-либо сравнить в русской сказочной прозе (например, сказка-былина «Илья Муромец»). Д. К. Зеленин объяснял своеобразие пермских сказок особым характером уральской природы (дремучие леса, необитаемые горные пространства), самим составом местного населения: переселенцы заносили на Урал сказки из самых разных местностей России.

В более позднее время традиция собирательства и публикаторства прикамских сказок была продолжена В. Н. Серебренниковым, А. Спешиловым. Пожалуй, наиболее оригинальным прикамским сборником сказок последнего времени стала книга И. В. Зырянова «Старикова тайна» (Пермь, 1981).

Современные фольклористы уже не могут надеяться на столь же богатую, как в прошлом, сказочную традицию. В то же время совершенно очевидно, что сказка в народе про-

должает жить. Задача настоящего издания, в котором представлены полевые материалы фольклористов и диалектологов Прикамья последней четверти века,— восполнить пробел в нашем знании современной сказочной традиции.

В сборнике представлены основные разделы народной сказки — сказки о животных, русская волшебная сказка, бытовая сказка. По представленным текстам читатель легко увидит, как меняется современная сказка. Если в волшебной сказке, например, в прошлом было сравнительно мало бытовых элементов, то к концу XX века бытовые детали входят в неё всё активнее (отсюда в волшебных сюжетах появляется «*лестричество*», «*пароходы*», а «*царь собирает собранье*»). В результате происходит стирание жанровых границ волшебной сказки, она приобретает черты сказки бытовой, в ней появляются иронические и сатирические элементы. При всём при том сказка остается сказкой — это всегда рассказ о необычных, удивительных событиях, всегда погружение слушателя в придуманный, волшебный мир. Сказитель, рассказчик нарочно стремится перенести нас в мир фантастический и в конечном счете развлечь. Очевидна и воспитательная направленность многих сказок — ненавязчиво говорится в них о добре и зле, верности и справедливости, трудолюбии и человеческих пороках.

Нельзя не заметить, что современная пермская сказка воспроизводит устоявшийся, классический репертуар русской сказочной прозы, причём воспроизводит оригинально, отражая многие архаические черты. Удивителен язык. Составитель не посчитал возможным редактировать представленные тексты (что, конечно, отчасти затрудняет их восприятие). Устранение диалектизмов (а представленные тексты изобилуют ими, так как собирались они чаще всего в наиболее активных пермских диалектных зонах) привело бы, на наш взгляд, к сильнейшей деформации оригинала, ведь чаще всего народные слова подчёркивают колорит местнос-

ти, передают особенности прикамского быта. Поэтому нами оставлен без изменения грамматический строй речи, оригинальная лексика, а в ряде случаев отражены графически и особенности местного произношения. Для удобства в конце сборника представлен небольшой словарь местных слов (слова, легко понятные в контексте типа, *помога* — помощь, *домашничать* — управляться по хозяйству, в него не включены, как и слова, содержащие звуковые особенности пермских говоров — *семой* — седьмой, *овча* — овца, *деушка* — девушка).

Отбор речевых и изобразительных средств в представленных текстах по большей части клиширован (нельзя впрочем не заметить своеобразный язык, оригинальную манеру сказительниц А. Ф. Сторожевой, З. М. Шаламовой (д. Усть-Уролка Чердынского района), Е. Н. Новиковой (д. Перино Карагайского района). Здесь очевидны композиционная выстроенность сказок, их ритмическая отделка (наличие больших рифмованных фрагментов, песенных вставок, оригинальные зачины и концовки, например: «*Наелся волк, отоспался, опеть проголодался*»; «*Козы едят листочки дубовые, пьют воду ключевую*»; «*Чия ты будешь, али ты царская, али государская?*»; «*Баба-яга наказала Нюрочке-девчурочке: "Будешь у меня печку топить, дрова рубить, воду носить, тесто месить, пряжу прясти да дома мести"*»). Включены в издание как отдельные тексты некоторые развернутые присказки (они-то и были призваны настроить слушателя на необычное, а в последнее время, по нашим наблюдениям, часто рассказываются как самостоятельный сказочный сюжет).

Представленные в сборнике сказки собирались в разных районах Прикамья (особенно Северного) фольклористами Пермского государственного и Пермского педагогического университетов, ряд текстов любезно предоставлен собирателем из г. Березники С. В. Хоробрых. Весь материал раз-

бит на смысловые блоки — сказки о животных, сказки волшебные, сказки бытовые. В справочной части, кроме словарика диалектных слов и выражений, даны небольшие комментарии к включённым в издание материалам — от кого и где они записаны, какие варианты текстов зафиксированы.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Про мужика и медведя

Мужик пошёл на охоту. Ходил-ходил, никого не поймал. Смотрит — в берлоге медведь спит. С медведем не справился, у него ногу отрезал. Пошёл домой. Ногу старухе отдал. Она сидит, шерсть обдирает, шкуру оснимывает. Медведь проснулся, смотрит — ноги нет. Чё делать? Полено приделал, пошел ногу искать. Идёт и поёт:

Скрипи, скрипи, нога, скрипи, липовая.
Все сёла спят, все деревни спят,
Одна бабушка не спит, на моей ноге сидит,
Мою шёрстку стрижёт — мою лапку варить.

Шёл, шёл медведь, до деревни дошёл. Старуха шерсть с ноги срезала. Медведь подходит к деревне и поёт:

Скрипи, скрипи, нога, скрипи, липовая.
Все сёла спят, все деревни спят.
Одна бабушка не спит, на моей ноге сидит,
Мою шкуру сымат — мою лапку варить.

Старуха шкуру ободрала, медведь уж по улице идёт, поёт жалобно:

Скрипи, скрипи, нога, скрипи, липовая.
Все села спят, все деревни спят.
Одна бабушка не спит, мою лапку варит.

Старуха лапу варить поставила, и медведь к дому подходит. Услышала его старуха, испугалась, у деда спрашивает, что делать. Дед советует: «Свет выключи». Выключили. Голбец* открыли, сами на печку спрятались. Медведь зашёл да в голбец и провалился. Они быстро закрыли его там, запечатали. Дед мужиков сбегал-позвал. Мужики медведя-то и убили.

Выл-выл волчок

Выл-выл волчок, на горе жил старичок. Старичок да бабушка, парничок* да деушка. Как у старика, у старухи было две овчи, было две козы, было две коровы, семой конь вороной.

Повадился к старику со старухой волк. Идёт волк и поёт: «Отдай, старик, старуху, а то самого съем». Делать нечего, старик отдал перво* овечку. Наелся волк, отоспался, опеть проголодался, пошёл опять к старику. Идёт и поёт: «Отдай, старик, старуху, а то самого съем». Делать нечего, отдал старик втору овечку. Наелся волк, отоспался, снова проголодался, отправился к старику. Идёт и поёт: «Отдай, старик, старуху, а то самого съем». Делать нечего, старик отдал козу. Наелся волк, отоспался, опеть проголодался, пошёл опять к старику. Идёт и поёт: «Отдай, старик, старуху, а то самого съем». Делать нечего, старик отдал вторую козу. Наелся волк, отоспался, снова проголодался, отправился к старику. Идёт и поёт: «Отдай, старик, старуху, а то самого съем». Делать нечего, старик отдал корову. Наелся волк, отоспался, снова проголодался, отправился к старику. Идёт и поёт: «Отдай, старик, старуху, а то самого съем». Делать нечего, старик отдал вторую корову. Наелся волк, отоспался, снова проголодался, отправился к старику. Идёт и поёт: «Отдай, старик, старуху, а то самого съем». Делать нечего, старик посылает коня. Махнул конь копытом, отсек у волка ногу. Пошёл волк в лес к себе, приделал ногу липову. Дожил до вечера, идёт в стариково село, поёт:

Скрипи, нога, скрипи, липовая.
Все по сёлам спят, все по деревням спят,
Одна баба не спит, на моей коже сидит,
Мою шерстку прядет, моё мяско варит.
Отдай, баба, ногу, возьми свою скотину.

Выл-выл волчок. На горе жил старичок. Старичок да баушка, парничок да деушка. Как у старика, у старухи было две овчи, было две козы, было две коровы, семой конь вороной...

Кот да петух

Жили-были старик со старухой, и были у их котик да петушок. Как-то видно они их пообидели, те и ушли от их в лес, сделали там себе избушку, стали жить. Лето прошло, осень, зима настаёт, надо стало дрова готовить. Котик пошёл дрова рубить, петушку наказыват: «Сиди, домашничай». Петушок сидит на седалах*, никуда носу не кажет. В аккурат в ту пору лиса увидела котика, пошла по его следу и до избушки дошла, поглядела в окошечко и видит на седалах петушка. Вот она и давай ему петь:

Куко-реку, петушок, золотой гребешок,
Выглянь в окошко, дам горошка.

Петушок слетел с седальцев, глядит, кто это там ему ладит горошка давать. Окошко отворил, а лиса его цап — и утащила. Вот петух базлат*:

Коты-коты-коты, серые коты!
Несет меня лиса за темные леса,
За реки глубоки, за горы высоки!

Котик учуял, набежал, отнял петушка. На другой день снова надо уходить, наказыват петушку: «Не выглядывай в окошко, я сёдне далеко уйду». Только кот ушел, лиса его быстро усмородовала*, подбежала к избушке, в окошко глядит. А петух на седальцах. Лиса и запела:

Куко-реку, петушок, золотой гребешок,
Выглянь в окошко, дам горошка.

Петух ей и отвечает: «Сёдне ты меня не обманешь». А лиса опять поёт:

Куко-реку, петушок, золотой гребешок,
Маслена головушка, шелкова бородушка,
Выглянь в окошко, дам горошка.

Петух думает: «Кто это меня так расхвалил?» Высунулся в окно, лиса его сбрела* и тащить. Петух опять базлат, зовет котика на помогу. Котик и на этот раз выручил, говорит петушку: «Говорил тебе, сиди, не высовывайся». На другой день наказыват: «Сёдне я еще дальше уйду, тебя не услышу, не высовывайся». Только кот ушел, лиса тут как тут, опять свою песенку поёт:

Куко-реку, петушок, золотой гребешок,
Маслена головушка, шелкова бородушка,
Выглянь в окошко, дам горошка,
Ехали бояра, рассыпали зерно, золотое зернышко.

Интересно стало петушку, опять он нашобольничал*, отворил окошко, лиса его в охапку и потащила. Петух опять базлат:

Коты-коты-коты, серые коты!
Несет меня лиса за темные леса,
За реки глубоки, за горы высоки,
За болота зыбучи, за пески сыпучи!

Сколь ни ревел, не учул* его котик. Лиса петушка домой притащила, ощипала, иссекла в корыте, давай пельяны стряпать. Пришел кот домой, нет петушка. Сделал он тут гусельцы, пошёл петушка искать. Идёт и набренькиват:

Брень-брень, гусельцы,
Золоты ли струночки,
Ишо дома ли лиса, всё кума,
У ей было ли три дочери,
Перва-та дочь — Чучелка,
Друга-та дочь — Палачелка,
Треття-та дочь — Подай-челнок,
А ишо четвертой сын — Малышок.

Подходит к лисиному дому, а у лисы уж банька топится, вода кипит — пельяны варить. Зашёл он в баньку и давай там играть:

Брень-брень, гусельцы,
Золоты ли струночки,

Ишо дома ли лиса, всё кума,
Или нет ли дома лисы, всё кумы,
Или нет ли дома Ивановны?

Лиса заслышала и говорит: «Поди-ко, Чучелка, посмотри, кто это в баньке у нас так хорошо поёт». Чучелка пришла в баню да и заслушалась, не идёт домой. Лиса втору дочь, Палачелку, посылат. Палачелка тоже сидит, слушает, не идёт домой. Она третью дочь посылает, и та вобратно не идёт. Так и сын ушел, все сидят, котову музыку слушают. Потом и сама лиса туда же ушла, тоже сидит, а кот всё наигрыват: «Трень-брень, струночки...» Потом бает им: «Я пойду ненадолго, в уборну». Сам в избушку полез, пельяны все съел да и убежал. Те воротилися к себе, смотрят — ни котика, ни пельян...

Маша и медведь

Жили-были старик со старухой. Вот старуха умерла, и осталась у старика дочка Машенька. Старик взял себе другую старуху, у её тоже дочь была, Наташка. Мачеха Машеньку незалюбила, приказала старику свезти её в лес. Старик заплакал, а делать нечего. Снарядил лошадь, посадил Машеньку и поехал. Вырыл ей в лесу землянку, наготовил дрова, воду принёс, крупку оставил немного, попрощался с дочкой и уехал. Живёт Машенька одна. Вот когда-ко Машенька затопила печку, сварила кашу, села за стол, ест. Тут выбегает из норки мышка и просит поесть. Машенька видит, что мышка худенькая, тощенькая, пожалела её, накормила досыта. И тут ночью стучится в землянку медведь, страшный, большой. Говорит Машеньке: «Давай с тобой в жмурки играть. Ты будешь убегать, а я ловить. Вот тебе золотой колоколец, беги да звени». Заплакала Машенька, боится, что медведь её поймает и съест, куда убежишь. В это время откуда ни возьмись выбегает мышка и говорит Машеньке: «Не плачь, давай лучше мне колокольчик. Я буду убегать от медведя, а

ты прячься». Так и сделали. Мышка бегала-бегала, медведь за ей, до того добегал, опристал и ушел к себе домой ни с чем. А наутро Машеньке от медведя привалило счастье: и коровы, и быки, и лошади, и другое всякое богатство. Потом приехал старик по Машеньку, видит такое чудо, радуется, везет домой. А дома собачка под столом тявкает: «Тяф-тяф! Машенька с богатством едет, быков да лошадей ведет!» Старуха её пнула ногой и говорит: «Тявкай, что старик Машкины косточки везёт!». Вдруг открываются ворота и въезжает старик с Машенькой, богатство везут. Разозлилась старуха и говорит старику: «Вези тожно* мою дочь Наташку в лес, она еще больше добра привезёт». Старику делать нечего. Увёз, посадил в ту же землянку, направил* ей всё так же, как Машеньке, уехал. Вот вечером Наташка сварила кашу, сидит, ест. Вдруг выбегает из норки мышка и говорит: «Угости меня». А та на её кричит: «Ах ты, гадина такая! Ты еще есть захотела! Брысь отсюда, я сама не наелась!». Потом ночью приходит медведь, дал ей колокольчик и заставил бегать. А Наташка толстая, кое-как шевелится, медведь её живеёхонько поймал да стал поленом бить, бил-бил да и убил вовсе. Вот старик собрался по Наташку, а собачка под столом сидит, тявкает: «Тяф-тяф! Наташкины косточки везут!». Старуха пнула её, говорит: «Тявкай, что Наташка с богатством едет!» А собачка всё своё. Вот ворота отворились, приехал старик с Наташкиными косточками. Заплакала старуха, да уж чё, поздно...

Сказка о лисе и зайце

Жили в лесу зайчик и лиса. У зайчика была избушка лубяная, у лисы ледяная. Повстречались оне раз, лиса его позвала в гости, потом заяц её к себе позвал. Она всю его избу изругала: «У тебя беда тёмно, а у меня светло». Заяц дружить с ей не стал. Тут весна стала, солнце пришло, изба ли-

сья растаяла чисто. Пришла лиса к зайцу проситься, упросила она его, он её и пустил под порожек. А она хитрая, говорит: «Испристала* я, пусти-ко меня на лавку». Ладно, пустил. Она снова говорит: «Пусти меня на печку, иззяблась». И давай зайчика выгонять: «Уходи, заяц, у меня хвостище-помелище, я тебе им глаза выхлещу». Заплакал заяц. Хотел ему волк помогчи, потом медведь, да лису испугалися, убежали — бегут, только хвост щёлкат, сучья трещат. Потом зайчику петух с косой помог, пошёл к домику, скукарекал, лисе косу показал, она испугалась, в лес убежала, стали заяц с петухом во своей в избушке жить.

Коза-дереза

Жили дед да баба, и с ими жила внучка. Было у их стадо коз. Дед каждое утро посылает внучку коз пасти и наказывает, чтобы хорошо их кормила и поила. Внучка коз пригонит в лес, едят они листочки дубовые, пьют воду ключевую. Вечером пригонит домой, а дед у ворот стоит, спрашивает: «Ели ли вы, козы?» — «Мы ели и пили, а теперь спать пришли». Только коза-дереза стоит и молчит, а потом и говорит: «Я не ела, не пила, голодная пришла». «Ох ты, внучка, обманула ты меня»,— сказал дед. Отрубил ей голову и под порог положил. На следующее утро идет коз пасти старуха. Ели они листочки дубовые, пили воду ключевую. А домой пришли, дед у ворот стоит, спрашивает: «Ели ли вы, козы?» — «Мы ели и пили, а теперь спать пришли». Только коза-дереза стоит и молчит, а потом и говорит: «Я не ела, не пила, голодная пришла». Тогда старик отрубил и старухе голову, под порог положил. На следующее утро сам пошел с козами. Накормил их в лесу, напоил, домой пригнал. Спрашивает: «Ели ли вы, козы?» — «Мы ели и пили, а теперь спать пришли». Коза-дереза стоит и молчит, а потом и говорит: «Я не ела, не пила, голодная пришла». Сохватил дед бадог и

начал козу лупить. Испугалась коза — и в лес. Идёт по лесу, смотрит — домик стоит. Взяла и зашла, тамо печка, забралась на печку, лежит. Приходит тут зайчик, это его домик был, коза ему с печи:

Я — коза ярая, полбока драного,
Туку-туку ножками, заколю рожками,
Хвостиком вымету, рожками выкину, заколю.

Испугался зайчик, ушёл. Сел на дорогу, плачет. Тут идёт медведь: «Что, зайчик, плачешь?» — «Как мне не плакать, зашла в мой домик коза, забралась на печь и меня не пускает». Пошёл медведь козу гнать. Гнал-гнал, не мог выгнати. Потом гнали козу волк, лиса, ёжик — никто не могли выгнать. Потом прилетел комар. Укусил козу за драный бок, коза прыгом-скоком к деду бежать. «Извини меня, дедо, не буду больше одманывать». Тут и бабушка, и внучка оживились, стали они жить-поживать, всё ещё живут.

Горшок

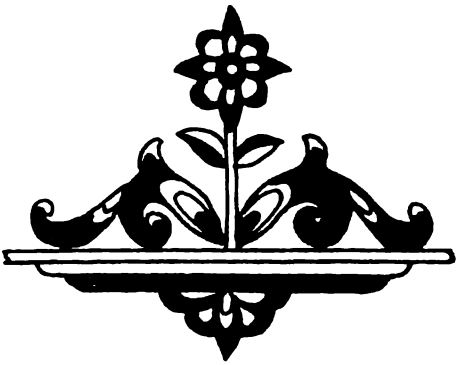
Ехал мужик, вёз горшки. У одного горшка краешек был отломленный, он его выбросил. Лежит горшок. Тут бежит мышка-топышка. Увидела горшок и спрашивает: «Кто под горшком?» Никто не ответил. Залезла тогда мышка под горшок и сидит. Тут летит мушка с обушком, спрашивает: «Кто под горшком?» — «Я, мышка-топышка, а ты кто?» — «А я мушка с обушком».— «Ну, садись под горшок». Сели они, сидят. Тут летит комар, спрашивает: «Кто под горшком?» — «Я, мышка-топышка, я, мушка с обушком, а ты кто?» — «А я комар с топором».— «Ну, садись с нами под горшок». Сели, сидят тожно. Бежит заяц. Увидел горшок, спрашивает: «Кто под горшком?» — «Я, мышка-топышка, я, мушка с обушком, я, комар с топором, а ты кто?» — «А я заяц — при огороде скок».— «Ну, садись с нами под горшок». Сели, сидят. Тут бежит лиса, спрашивает: «Кто под горшком?» — «Я,

мышка-топышка, я, мушка с обушком, я, комар с топором, я, заяц — при огороде скок, а ты кто?» — «А я лиса — при беседе краса».— «Ну, садись с нами под горшок». Сели, сидят. Тут идёт волк, спрашивает: «Кто под горшком?» — «Я, мышка-топышка, я, мушка с обушком, я, комар с топором, я, заяц — при огороде скок, я, лиса — при беседе краса, а ты кто?» — «А я волк — при сумерках страх».— «Ну, садись с нами под горшок». Сели, сидят. Тут идет медведь, спрашивает: «Кто под горшком?» — «Я, мышка-топышка, я, мушка с обушком, я, комар с топором, я, заяц — при огороде скок, я, лиса — при беседе краса, я, волк — при сумерках страх, а ты кто?» — «А я медведь — коровья смерть».— «Ну ладно, садись с нами под горшок». Сели, сидят. Туто идёт сам дядя лесной, несёт берёзу — пребольшую вершину. Вот он их березой-то всех и захвостнул, разбил горшок, все кто куда. Были лыко да мочало, да сказка кончала.

Как заяц охотника проучил

Жил-был один охотник. По лесным дорогам лапти изнашивал да одёжку рвал. Когда куницу убьёт, когда рябка изловит, а когда и ноги только намнёт. Вот пошёл он раз на зайчей. Долго ходил — никого не встретил. Уж домой собрался и тут на зайчика наткнулся. Собрался уж было курок спустить, а заяц ему и говорит человеческим голосом: «Не торопись меня убивать, сначала выслушай». Охотник удивился, сел на пенёк, слушает. Заяц заговорил: «Когда убьёшь меня, шкурку сдери да купцу продай, а на вырученные деньги себе козу купи. Вырасти её, она тебе двух козлёнков принесёт». Охотник и уши развесил, слушает. Даже ружье на землю поставил. А заяц дальше: «Продашь козлят — купи поросёнка. Вырастет из его свинья, она тебе десять поросят принесёт. Продашь их — деньги будут, на эти деньги телёнка купи. Телёнок вырастет, корова будет, бычка тебе даст.

Бычка на лошадь променяй, а потом лошадка тебе жеребёнка принесёт». У охотника тут и голова закружилась от такого богатства, не до зайца ему стало. «Ладно,— думает,— счас убью зайца». Оглянулся — а зайца и след простыл, убежал, и всё богатство с собой унёс...



Волшебные сказки

Царская дочь

Была у царя одна дочь. А ворожчи* выворaживали, что она у тебя-де потерятся. Вот её и хранили шибко, все за ей следили, всякие мамушки-нянюшки. Вот она уж и подросла как невеста. Тожно пошла погулять про лужечкам. Вдруг ниоткуля витер поднялся, нянечек-мамушек всех с ног сшибило, а её подхватило и унесло. Царь давай её разыскивать. А в его же царстве был один мужик, у его было три сына, один Утро, другой Полдень, а треттей Вечер. Они и согласилися ехать выручать царску дочь. Поехали в чужую землю. Тамо ездили-ездили, долго ли, коротко ли, доехали до одного места. Видят, стоит домик, туто же конюшна большая. Остановилися. Два-те брата говорят: «Ты, Утро, барана заколи да еду приготовь, а мы поездим». Ну ладно, он сохватил нож, барана зарезал, стал пекчи, варить и жарить. Приготовил кушанье хорошее. Вдруг видит — идёт старичок небольшой — сам с аршин, а борода две сажени, несёт на голове стог сено и большой чан воды. Дал овцам еду и питье, стал их пересчитывать. Одного барана не хватат. Он полез в избу: «Ну-ко, какой тут хозяин появился?». Увидел старшего брата, Утра, давай его палкой хлестать. Потом ссопел* всю готовку и ушел. Братья приехали: «Ну, что, брат, приготовил ли ты нам еду?» — «Ничё не мог сделать. Печку затопил да угурел, лежу вот целой день, встать не могу».— «Ладно, проживём». Ночь ночевали, тожно Полдня дежурить оставили: «Ты нам обед припаси». Уехали Утро с Вечером. Полдень живо барана зарезал, стал пекчи, варить и жарить. Приготовил кушанье хорошее. Вдруг видит — идет старичок небольшой — сам с аршин, а борода две сажени, несёт на голове стог сено и большой чан воды. Дал овцам еду и питье, стал их пересчитывать. Одного барана не хватат. Он полез в избу: «Ну-ко, какой тут хозяин появился?». Увидел середнего брата, давай его палкой хлестать. Потом опеть ссопел всю готовку и ушел. Братья приехали: «Давай нам

исть».— «Дак я угурел шибко, ничё не смог сделать». А старший брат про себя думат: «Я знаю, как этот угар достаётся». Ладно, ночь ночевали, на утро поехали снова в поиски, оставили Вечера. Тот живо барана зарезал, стал пекчи, варить и жарить. Приготовил кушанье хорошее. Вдруг видит — идёт старичок небольшой — сам с аршин, а борода две сажени, несёт на голове стог сено и большой чан воды. Дал овцам еду и питьё, стал их пересчитывать. Одного барана не хватат. Он полез в избу: «Ну-ко, какой тут хозяин появился?». Увидел младшего брата, давай бы его палкой хлестать, а младший брат сам не плох, сохватил его за бороду и давай волочить: «Я тебя убью!» — «Нет, не убивай. Я знаю, что вы здеся ищете. Царевна-та утащена да в подвале поймана, я знаю где, тамо есть дыра спускаться».— «Ты меня можешь обмануть. Веди давай в то место». Он его привёл, а там яма глубокая. Надо веревки вить и спускаться. Вечер взял большой золезной клин, забил в елку, бороду туда сунул у старичка — сидит как на цепе. Братья приехали, удивились — вот где старик-от. Давай липу снимать, веревки вить, потом жеребей кинули, кто спускаться будет. Жеребей упал на Вечера, на меньшова брата. Спустили Вечера в подземное царство, он тожно пошёл пешком. Вот ходит-ходит, видит, стоит большушшой дом, царский дворец, а у окошка створка поло*, во створку царевна глядит. Увидяла его, говорит: «Ой-ой, ты зачем же сюда пришёл, ведь здеся змей живёт, он тебя убьёт».— «Не убьёт. Ты меня спрятай». Спрятала она его, тут летит змей трехглавой, прилетел и говорит: «Фу-фу, русский дух чутко».— «Ой, да ты летал по Русе да русского-то духа нанюхался, вот и придирашша. Давай ешь да отдыхай». Он живо наелся, лег отдыхать и уснул. А Вечер выскочил, сохватил меч-саблю, раз — отрубил змею все три головы. Царевна ему и говорит: «Это не всё, есть ишшо о шести головах и есть о девяти, с имя тебе, наверно, не спровдать*».— «Чё-нинабудь сделам». Ладно. На другое время снова змей

летит, опять придирятся: «У тебя туто русской дух». — «Да это ты по Русе летал да нанюхался, а здесь придирашься». Он поел, лег отдыхать. Уснул, а Вечер выскочил, раз-раз, его же мечом давай отсекать змею башки, все отсек. Ладно. Скоро снова змей летит. «Этот страшнее всех»,— говорит царевна. Змей опять придирятся: «Откуля у тебя туто русской дух?». — «Да это ты по Русе летал да нанюхался, а здесь придирашься, ешь да спать лёжися». Он поел, лег отдыхать. Токо уснул, Вечер тихонько вышел, раз — и отсек ему три головы, потом еще три. А последни-те не может. Маялся-маялся, туто уж ему царска дочь пособила. Тожно чё, надо домой ехать, дорогу искать. Привёл царску дочь к яме, братья верёвку кинули, её вытащили из тое земли, а его оставили, про его верёвку не спустили. Пришли домой и тамо сказали, что погиб. А в том царстве, у змеев-то, была хорошая музыка. Он взял эту музыку, сидит, наяриват, тут и балалайка и всё. Налетают к ему биси, столько много: «Отдай нам, это всё нашего хозяина музыка».— «Нет, вы меня перво вытащите, я тогда вам отдам вашу музыку». Вытащили. А этот, маленькой-то, аршинной-то мужик, всё сидит на привязе, борода в ёлке. Он говорит Вечеру: «Мне туто приходится погибать, отпусти меня».— «А как я сам отцеля* уеду?» — «Не переживай, я тебе коня приставлю, идь* на коне». Отпустил, выколотил клин золезной. Тут же налетел большущий зверь-медведь, мужик аршинной велит: «Садися на его, он тебя вывезет куда надо». Зверь-медведь его вывез, вовсе на место. А у царя уж слажено за Полдня дочь отдавать взамуж, Утро-то уж женатой был. Уж свадебку играют, пируют, а царевна все переживат: «Не за тово выхожу взамуж, которой меня выручил, мне надо было за тово жениха, а он погиб». А Вечер вышел, приставился* — как быдто пьяной, пришёл к царю, валятся у во под окном, письни поёт. Она и учула: «Батюшко, вот этот самой и есть, которой меня выручил». Царь живо слуг послал, подобрали его, видят, он вов-

се не пьяной, только притворился. Тут все и узнали, кто царску дочь спас, отдали ему её в жёны.

Закаменный лес

Жил-был царь, у етова царя была дочь. За ей ухаживала няня. Она ходила, гуляла, пришла раз на берег. Тут к берегу караб пристал, неизвестен откуда. Няня-та не уследила, царска дочь зашла на караб, паруса поднялись, караб отошел от берега неизвестно куда. Царь собрал собрание — вот какой выищется хороший человек, кто найдёт мою дочь? За того её взамуж отдам и полцарства. Один нашёлся парень, взял с собой двух таваришей, солдат, сели они тоже на караб, поплыли. Приплыли к острову. К берегу подойти нельзя, камни. Они сели в лодку, подъехали. Тропку нашли, по ей пошли, пришли в лес. Тамо дичи всякой набили, идут дальше, видят — дом большущий. Зашли, а в ём котёл большой. Стали дичь теребить, суп готовить. Парень и говорит: «Пусть один из вас остаётся, а мы пойдём, место посмотрим». Один остался, суп варит. Туто приходи долгой мужик: «Ты чё тут, солдат, делашь?» — «Суп варю». — «Дай мне большую ложку, я посмотрю, уварился, нет». Солдат дал ему ложку, долгой мужик весь суп выхлебал, набил солдата, бока ему наколотил, сам ушёл. Ладно, приходит парень с другим солдатом: «Где суп?» — «Я печку затопил да угорел». На другой день парень другого солдата оставил, сами ушли. Опять та же история — долгой мужик пришёл, весь суп выхлебал, набил солдата, ушёл. Пришли парень с солдатом, спрашивают: «Где суп?» — «У меня дрова сырые были, печку не мог затопить». Первой-от солдат думат: «Знаю я эте сырые дрова, мне вчера эте же дрова были...» На треттей день парень сам остался суп варить. Суп сварил, пошёл по дому, нашёл ключ, шкап, отворил шкап-от, тамо стоит вино четверть. Туто приходит долгой мужик, опять давай суп пробовать. Парень накормил его, выпоил ему всю четверть вина, долгой мужик

пал на пол и уснул, парень ему башку ссёк. Пришли его друзья, он имя показыват голову-ту и говорит — вот-де какой у вас угар был, вот какие сырые дрова... А сам нашёл у долгого мужика в кармане двенадцать ключей. Пошли они по дому, нашли двенадцать комнат, отперли двери ключами. В самой последной комнате нашли царскую дочь, сидит, шьётся, а всё золотом убито. А перед тем как послать парня искать дочь, царь дал ему царское кольцо. Царска дочь говорит парню-ту: «Уходи, детина, счас долгой мужик придёт и тебя убьёт». — «Нет, не убьёт, я ему голову ссёк». Она перво не верила, потом поверила, стала ценности со стен срывать. А кольцо-то он своё оставил на окне. Пришли с ей на караб, он вспомнил про кольцо, воротился по его, а царская дочь на карабле осталася. Капитан, недолго думая, отплыл от берега, застращал её, что если мол скажешь, что не я тебя спас, я тебя сейчас же в море брошу. А парень с друзьями нашёл лодку, сел на её и в погоню. Тут буря стала, перевернуло лодку, утонули солдаты, один парень спасся, приплескало его к берегу. Когда он очунял*, в себя-то пришёл, пошёл по берегу, по тропочке. Опять видит большой дом, у дома рога висят. Он давай в рога играть. Тут вышел седой старичок, не велит ему играть — говорит: «Оне у нас налажены зверей прикликать. Звери прибегут и тебя порвут. Иди лучше подрядись нашему хозяину в строк».— «Ладно, пойду». Хозяин его принял, сказал: «Вот во все комнаты в доме ходи, а в эту не ходи, сходишь, я тебе жалованье убавлю». Парень не утерпел, сходил, ему за это хозяин жалованье убавил. Так же на второй раз и на третий. Хозяин его вовсе рассчитал и сказал: «За службу дам тебе кошелек, его хоть сколько тряси — все деньги сыплются». И еще дал ему коня: «Поезжай на коне, только им не правь, он тебя привезет куда нужно, а доедешь до места, отпусти его, он ко мне вернётся». Вот парень и поехал, и приехал в столицу, а там уже свальба. Парень потряс кошельком, денег нападало, он царю богатый обед заказал.

Царь удивился: «Откуда это и вина, и ромы, и все, что царь кушает?». Парня туто и позвали на свадьбу. Царска дочь всех обносила питьем, парню-то подала, а он рукой взмахнул — не хочу-де, она колечко-то и увидела царское, узнала. После и говорит своему отцу: «Вот, папаша, которой меня разыскал, а вовсе не капитан». Тут и выдали её за парня замуж. Вот и сказка вся, я тоже на свальбе у их была, мед пила, по узгам* бежало, в рот не попадало. Ишо был у их сиринькой коток, он скочил на потолок, сказку уволок. Было у их за двором-то озеро, в озере был рак, кто сказку слушал, тот дурак...

Про Идола и Ванюшку Медвежье ушко

Мужик раз поехал в лес, встретила его медведица и увела к себе в берлог. Стал он с ей жить, она родила ему робенка, человек как человек, только одно ушко медвежье. Вот одинова* медведица пошла в лес по пищу, отец с сыном придумали убежать от её, да она их поймала. Тогда отец вздумал её убить, и убил, так они и спаслись от её, пошли к себе домой, пришли ночью, по деревне не смеют идти — нагишом были дак. Потом стали жить. А жена-та у мужика не залюбила Ванюшку Медвежье ушко. Он придумал от её уйти, ушёл. Идёт-идёт, туто речка текёт, мужик на бережёчке сидит, усы свои длинные мочит в воде. «Ты кто?» — «Я Усынушка».— «Пойдём со мной в товариши». Вот они идут, видят: мужик на дереве сидит. «Ты кто?» — «Я Дубынюшка».— «Пойдём с нами в товариши». Идут трое. Потом нашли ещё одного, Горынюшку, стало их четверо. Вот идут они и видят: стоит дом большой, вокруг чугунной тын, скотины беда много, коровы. Зашли в дом, отдохнули, товариши ушли проведать место, а Усынюшка остался в доме, ему было велено корову заколоть и еду приготовить. Туто выходит Идол. Избивши Усынюшку, Идол всё мясо съел и опять ушёл, в голбец. Друзья приходят: Усынюшка лежит на печи,

еды нету. Ладно, на другой раз остался Дубынюшка. Он двух быков зарезал, стал варить, а тут опять Идол вышел. Пришли друзья, смотрят: Дубынюшка лежит, еды нету. Потом то же с Горынюшкой стало. Вот остался дежурить сам Ванюшка Медвежье ушко. Вышел Идол, ногами стопал, руками схлопал, а Ванюшка его избил, бросил в голбец. Друзья пришли, он им давай показывать Идола. Голбец-от отворил, а друзья-те его туда и спехнули, в голбец-от. Вот идёт он, идёт, видит оловянный городок, сидит тамо деушка. Она его и спрашиват: «Зачем ты пришёл сюда?» — «Перво меня напой-накорми, потом расспроси». Ладно, приняла она его. Он ночевал и дальше пошел. Попал уже в серебряный городок. Опять сидит девушка: «Ты зачем сюда пришёл?» — «Перво напой-накорми, потом расспроси». Ночевал, дальше идёт, видит: дом стоит. Зашел он в его, а там Идол сидит на пече. Ванюшка и спрашивает у его, не нужен ли работник. Идол и говорит: «Живи, скотины много, будешь за ей ходить». Пожил у его, потом придумал обратно идти. Взял он с собой тыёх деушек. Крикнул друзей-то, они девок-то подняли, а когда Ванюшку стали вытаскивать, они его в обратно сбросили. Никак бы ему не выбраться оттуда, да туто ворон ему помог. Ворон велел ему наготовить тридцать девять бочек мясо, а сороковую про себя, взяли они это все с собой и полетели, вынес его ворон на белой свет, долго летили, пока все мясо не съели. Тогда уж Ванюшка Медвежье ушко всех своих друзей сбросил под землю, стал жить, то ли со всеми девками, то ли нет, не знаю.

Иван-королевич и леший

Не в котором царстве, в неизвестном государстве жил-был царь. Вот однажды он едет лесом, видит: идёт мужик, несёт лисич да кунич, разных зверьков. Царь и спрашиват: «Мужик, да где же ты столько зверей наловил?» — «В лесу». — «А кто же тебе роздрешил зверей ловить в моим лесу?»

— «Да лешой».— «А чё, ты его знашь?» — «Знаю. Я не только его знаю, я жилище его знаю даже». Царь не будь плохой, говорит: «Давай, иди ко мне погостить». Он живо — как от царя отопрёшься — пошёл с им. Царь его привёл, отдал на кухню стряпкам и сказал: «Этого человека поить-кормить, что его душа жалат». А сам в то же время войско собрал — видимо-невидимо. Забрали с собой этого мужика, пошли в лес — давай показывай, где леший. Ну, он чё, подчинятся, надо царю дак. Пошли они лесом цепью, чтоб от друдышка уж нисколько не отходя, ну и вылетел лешой-то и в руки имя попал. Оне тожно привели его к царю, бросили в подвал. Тожно царь и мужик стали зверей улавливать, тако хорошо. А двери-те из подвала, где лешой сидел, были в сад. И в саду гулял сын царя Иван-королевич. Лешой в шилочку поглядыват, потом и говорит: «Иван-королевич, подойди же сюда». — «Чего тебе нужно?» — «Выпусти меня на свободу».— «Ну как я тебя выпущу, замок тяжёлой, а ключи у матушки». — «А ты иди, приласкайся к матушке. Она для тебя всё отдаст. А только меня выпусти. Я тебе потом пригожусь». Он так и сделал, лешой и убежал. Царь домой ворочается: нету лешова, закричал строго на царицу. Та говорит: «Ладно, я его отправлю куда-нибудь». Надавала ему деньги, одёжу хорошую с собой, дала ему слугу с собой — чё, он нигде не бывал дак. Вот оне и пошли, Иван-королевич с дядькой, в путь-дорогу. Шли они, шли, долго ли, коротко ли, Иван-королевич захотел пить и говорит: «Пойди, дядька, за водой, я пить захотел». А дядька ему отвечает: «Ты захотел, а я тебе за водой пойду? Айда сам». Ну и пошёл Иван-королевич. Потом дядька заставил Ивана-королевича с им одёжой поменяться. Одел Иван-королевич дядькину одёжду, а тот евошную, идут дальше. Шли долго ли, коротко ли, пришли в другое государство прямо к царю во дворец. Царь их спрашиват: «Что вы за люди?» Дядька отвечает: «Я Иван-королевич, а этой мой прислуга».— «Погости у меня, Иван-коро-

левич».— «А куды я прислугу дёвну*?» — «Отправим на кухню». Ладно, дядька гостит, быдто Иван-королевич, а Иван-королевич стал на кухне жить — научился обеды готовить лучше старшего повара. Царь его стал хвалить и деньгами дарить. Старшему повару стало забедно*: «Я столь работаю, и меня царь не хвалит». Иван-королевич раз замесил тесто для пирога, а старший повар подложил в его отраву. Испёк Иван-королевич пирог, царю подносит: «На, царь-батюшка, кушай». А сам ушёл. Тут приходит старший повар к царю и говорит: «Царь-государь, не вели казнить, вели слово молвить».— «Говори, не бойся».— «Твой любимый поварёнок хочет тебя отравить».— «Как это?» — «Да, хочет». Царь от пирога конец оторвал, бросил собаке, собака съела, тут же сдохла. Царь тожно и говорит: «А ну-ка, ведите мне поварёнка». Привели. Царь спрашивает: «Что это ты меня отравить хотел? Вон собака сдохла».— «Нет, царь-батюшка, это злые люди так хочут сделать». Царь велел убрать его с кухни, сдать конюхам. Вот Иван-королевич коней поит-кормит. Дожили до весны. Иван-королевич выпустил коней на прогулку, оне у его улетили к лесу. Взял он уздечки и пошёл в погоню. Подошёл к лесу, видит: на опушке стоит лешой. Тоже его увидел, кричит что моченьки: «Иван-королевич, зайди ко мне, я тебя угошшу за то, что ты меня на свободу выпустил».— «Я бы рад зайти, дак боюсь, кони разбегутся».— «Ничё, соберём». Зашёл он к ему. А дом-от у во большушшой, хорошушшой, и у его еще было три дочери. Вот лешой велит первой дочере: «Ну-ко, угости Ивана-королевича, за что он меня на свободу выпустил». Она ему вино подала. Спрашиват лешой у её: «Чё ты ему подаришь?» — «Я ему подарю палку-самобойку. Если ему какая обида будет, дак палка-самобойка ему отживёт* всё». Ладно. Потом второй дочере велит угошшать. Она вино подала, он спрашиват: «Чего ты подаришь Ивану-королевичу?» — «А я ему подарю скатёр-самобранку. Где бы он не был, скажет только «уго-

сти меня, скатёр-самобранка» — и перед им все кушанья окажутся». Приходит очередь треттей дочери. «Что ты Ивану-королевичу подаришь?» — спрашивает лешой. «А я ему дам перстень золотой. Он будь хоть в темнице, а от перстеня будет свет, как от лестричества». Вот погостил Иван-королевич — и домой. С той поры ему беда хорошо жилось. Только погуливат — коней выпустит, а лешовы дочери их соберут, вычистят, напоят-накормят.

А у царя была дочь. Понравился ей конюх, она ладит бы приступиться с им поговорить, а туто нянюшки да мамушки, это дело царской дочере нельзя делать, не допущают. Тут приехали из другого государства, чтобы высватать дочь у царя. А дочь не идет, ей надо конюха, шибко он ей понравился. Притворилась, что больная, отказала. А которой царь сватался, говорит: «Если она за меня не идёт, я на тебя войной пойду, всё равно возьму твою дочь замуж за сына». Живо тот и другой царь по войску собрали, стали воевать. Всех коней на войну разобрали, осталась одна некорыстненькая* лошадка с конюхом. Дядьке самолучшую лошадь дали, раз думают, что он царской сын. Царь приходит на конюшну к Ивану-королевичу: «А ты что тутока?» Велел ему забирать эту лошадку и ехать на войну. Он чё, поехал. Едет-едет, доезжает до леса, видит: опять лешой стоит, ухат* ему: «Иван-королевич, заезжай ко мне! Я тебе сказал, что пригожусь, вот и пригодился». Он заехал. Лешой велит старшой дочере вино ему подать. Та подала, он выпил. Лешой и спрашиват: «Ну что, Иван-королевич, как твоя сила, больше стала?» — «У-у, больше! Дали бы мне палицу пудов на тридцать, я бы её переломил».— «Велика твоя сила». Лешой другой дочере говорит: «Подай Ивану-королевичу вино». Та его из другого бочонка напоила. Спрашивает леший: «Велика ли твоя сила, Иван-королевич?» — «У-у, велика! Была бы у меня в этой руке гиря пятьдесят пудов, я бы размахнулся, за облако забросил». Рассмехнулся лешой: «Велика твоя сила». Велит

третьей дочере вино ему подать. Та из третьего бочонка налила, выпил Иван-королевич. Лешой спрашиват: «Велика ли твоя сила?» Иван-королевич отвечает: «У-у, если бы было за чё ухватиться, я бы всю землю кверху дном переворотил». Лешой говорит: «Велика твоя сила». Налил ему сам из четвертого бочонка, подал и спрашиват: «Ну, как теперь чувствуешь?» — «Теперь как будто сила приуменьшилась».— «Хватит тебе силы». Вот тожно вышел лешой на парадное крыльцо, свистнул на весь лес, так что с деревьев лист посыпался. Летит конь, земля дрожит, из-под копыт у его искры летят, из ноздрей пламя-огонь, из ушей дым столбом. Лешой кричит во всю глотку: «Вот тебе конь, садись и езжай». Дал ему плётку, он и полетел на войну. Приезжает, видит: сидит его дядька под кустом. Он его швычнул* плёткой: «Вот тебе за то, что ты меня так наказывашь». Тожно выехал на войну, а там говорят: «Выезжай, доброй молодец, мы тебя унестожим». Он только махнёт плёткой — ряд солдат как не бывало. Кого конем сомнет. А палка-самобойка тоже работат, увичит людей. Дотуль Иван-королевич довоевал, чисто всех перебил. Идёт домой. А царь до того сказал: «Кто отвоюет моё государство, за того отдам свою дочь. Вот Иван-королевич и думат: «Сейчас я буду зять царя». Приехал, лошадь переменил, отдал лешому, а тыё некорыстненькую лошадку взял и едет. Говорит царю: «Я твое государство отвоевал, отдай тепере дочь за меня». А дядька опять поперек дороги: «У меня был самолучшой конь, вы видели, я конем сминал людей». Ивана-королевича бросили в темницу, а за дядьку хочут царевну отдать. А дочь опять притворилась больная, не пойду, говорит, за его. Всё равно царю приходится отдавать, пришёл он к дочере, говорит: «Ты за того не хотела, скандал наделала, а счас и за этого не идёшь». Она ему говорит: «Это не Иван-королевич, а тот Иван-королевич, которого в темницу бросили». Царь решил убедиться: «Нукося я пойду погляжу». Темницу отворил, а там си-

дит Иван-королевич за столом, перед ём скатёр-самобранка, всякие кушанья, как лестричество, горит золотое кольцо. Говорит царю: «Пожалуйста ко мне за стол». Царь давай выспрашивать, Иван-королевич ему рассказал, как что получилось. Тогда царь вывел его из темницы. Дочь за его поймалася: «Вот это Иван-королевич!» Тут и свадьба была, и я на пиру была, пиво-брагу пила, налевали ковшом, подавали решетом, по рылу бежало, в рот не попало...

Царевна и солдат

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей, и была у их единственная дочь. Этая дочь была влюблена в одного вьюноша, и кажную ночь убегала из дому. Убежит, износит двенадцать пар башмачков, опять придёт. Отец ей каждый день покупал новые. Надоело ему, он стал искать солдат, чтобы они её укараулили, куда это она по ночам бегат. Обещался царь отдать свою дочь за того, кто это сделает. Вот на перву ночь пришел караулить один солдат. Царская дочь тихонько подлила ему в чай сонные капли, он и лёг спать. Царевна его ошпендила* плеткой — не ворохнётся, ну, тут уж она обрадовалась и бежать скоря из дому. Наутро царь приходит — опять двенадцати пар башмаков нет. Солдат говорит: «Извиняюся, не укараулил». Царь его выгонил. На следущую ночь с другим солдатом такая же история. А третий был хитрый, он, до того как чай пить царевнин, нанюхался несонных капель и после притворился, что спит. Царевна его плеткой хвостнула*, тот хоть бы что, не шевелится. Царевна из дому, он за ей. Бежал, бежал, видит, разбойники дерутся. Пока он глядел, царевны след простыл. Спросил солдат разбойников, об чём они дерутся. Те говорят: «Дед у нас помер, оставил после себя сапоги-скороходы, вот из-за их, сапоги делим». Солдат сказал, что их спор разрешит: «Я сейчас брошу стрелу, кто её быстрее всех принесёт, того и сапоги». Стрелил солдат, те за стрелой побежа-

ли, он живо эти сапоги надел — и опять догонять царевну. Она уж четвёртую пару башмаков износила. Вот догоняет он царевну и видит, что чертята дерутся. Спросил, об чём они дерутся. Те отвечают: «У нас тятька умер, оставил ковёр-самолёт, его делим». Солдат опять стрелу бросил, чертята побежали за ей, он сел на ковёр-самолёт и догнал царевну. Она уж пятую пару башмаков надела. Опять видит: кто-то дерутся. Это ребята делили шапку-невидимку. Он сделал так же, как с сапогами и с ковром-самолётом. Надел шапку-невидимку — и догонять царевну. Догнал, бежит с ей в рядочек, она шесту пару сменила. Тут слышит собачий лай. Это они к другому царству прибежали. Вот ворота отворились для царевны, солдат невидимкой прошёл. Зашли во дворец — тамо столы накрытые, на столах какой только ествы* не было — и яблоки, и вино, блюда разные, самовар стоит двенадцатикрановый. Солдат которо ест, которо в карман кладёт. Царевна поела и пошла с царёнком в сад гулять. Солдат ждать не стал, побежал и самовар с собой захватил. Сел на ковёр-самолёт и домой прилетел, лёг на диван, а самовар за диван спрятал. Царевна прибежала, опять его плёткой три раза ударила, спать тоже легла. Наутре царь спрашивает: «Укараулил?» — «Укараулил».— «Чем докажешь?» Солдат давай доставать всю еду, самовар добыл. Царь давай дочь будить: «Выдаю тебя за солдата». Как бы девка ни ревела, всё равно приказал. Вот тут и пир стал большой, я на том пиру была, мед-пиво пила.

Олёнушка и Бурёнушка

У старика, у старухи была дочи. Вот мать умерла, он взял другую. Та и говорит старику: «Старик, давай отдадим Олёнушку взамуж». Приехали сваты, они её и просватали. А мать-та родная как умирала, наказывала: «Старик, Бурёнушка пущай будет Олёнушкина, ей в приданно». Вот мачеха говорит старику: «Давай заколем Бурёнушку».— «Её старуха Олёнуш-

ке блословила*».— «Нет-де, давай заколем». Олёнушка ушла к баушке-задворенке: «Бурёнушку колоть хочут». Та ей говорит: «Ты уж сама кишочки-те вычисти». Закололи Буренушку. Олёнушка-та стала кишочки мыть, нашла в их перстенёк золотой. Снова пришла к баушке-задворенке. Та говорит: «Ты его посади же под окошко». Она так и сделала. Ох, какой у её сад вырос, всякимя цветами, какой хорошой!» Вот пропили Олёнушку, уехала. Её любят тамо, восподи, как дёржат! Скоро ребёночка нажили. Старик говорит старухе: «Позовём Олёнушку на хлибины». Ладно. Старуха-та ведьма была. Олёнушка приехали, она Олёнушку рысью переворотила. У самой-то тоже дочь была. Она её вместо Олёнушки её сделала, всех заговорила, никто не догадатся, что это не Олёнушка вовсе. Токо одна нянька была. Няньку она не заговорила. Вот, сидит ведьмина дочь с робёночком, его кормить надо. Нянька-та взяла его ненадолго, пошла в сад. Тамо скричала: «Рыси вы рыси, не видели ли вы русскую девку, младенчеву мать?» Прибежала рысь, кожечку с себя сдернула, насосила робёночка. А муж-то её догодался маленько, уследил, куды нянька ево дочь носит. Пока раз она кормила младенца, он взял да кожу-ту рысью-ту у ё сожёг. Потом его научили, как вобратно Олёну переворотить — баушка-задворенка дала ему веретёшко волшебное. Вот взял он его, переломил пополам и сказал: «За мной будь дьявол, перед мной Олёна». Так и стало, ведьму прогнали.

Про ведьму-мачеху

Жили-были старик со старухой, у их была девка. Старухе она была неродная, не любела мачеха её. Один раз ей и говорит: «Поди, девка, коров моих доить». А коровы-те у ей были медведи. Девка побежала, да перво зашла к своей родной баушке: «Баушка-баушка, меня мачеха наряжат коров доить». Баушка ей совет даёт: «Ты возьми вот эту подоенку с собой, поставь её и скажи: «Коровы-коровы, дойтеся сами». Она

так и сделала. Коровы сами подоились, взяла она подоенку с молоком, домой притащила. Мачеха и думат: «Как это она подоила?» Ладно. Опять девке говорит: «Бежи-ко, девка, овечек остриги». А овцы-те у ё были волки. Девка опеть к баушке. Та ей советует: «Возьми вот ноженки с собой, скажи овечкам: «Овцы-овцы, стригитеся сами да и шерстку мне подайте». Она так и сделала. Овечки остриглись сами, она шерсть домой принесла, мачехе. Та опеть думат: «Дак как же они её не съили?» Снова ей задачу задаёт: «Бежи к моёй родной сестре по бёрдо». Ну, девка побежала, перво, конечно, к баушке зашла. Та её всему научила, дала ей с собой всего: хлеб кусок, ленточку, тусок* с дёгтем, щеть — волосы чесать, брус — косу точить да гребень. Вот бежит, а навстричу ей мужик попадат, сам черной и лошадь черна. «Ты куды, девка?» — «К тётке по бёрдо».— «Не ходи туда, она тебя съест».— «Не съест». Дальше бежит, а встричу ей опять мужик попадат, сам красной и лошадь красна. «Ты куды, девка?» — «К тётке по бёрдо».— «Не ходи туда, она тебя съест». — «Не съест». Снова бежит дальше, встричу ей опять мужик, сам белой и лошадь бела. «Ты куды, девка?» — «К тётке по бёрдо». Так и добежала. Подошла к ограде, тут собаки на её кинулись. Она им хлеб дала, оне и успокоились. Стала заходить — тут голик у порога, скачет, не даёт зайти. Она взяла его, ленточкой бассенью перевязала, растрепанной был дак, он в уголок лёг тожно. Ворота бы открыват, а оне не отпираются, скрипят. Она взяла их и деготком подмазала, оне и отперлися. Полезла в избу-ту, чует — не русским духом чутко*! Старуха сидит и говорит: «Я тебя съем!» — «Не ешь меня, меня мачеха по бёрдо послала. Перво напой, накорми, дальны висти расспроси».— «Дак бёрдо-то у меня ишшо не доткнуто*» .— «Вот садись, дотыкай, я счас буду». А сама в ту пору ушла зубы точить — девку-ту исть. Девка недолго думая выдернула бёрдо, побежала. Ворота перед ей перво-то заторкались*, а потом признали её, выпустили. Так

же и собаки, и голик, вот она домой и побежала. А старуха выскочила, весь голик растрясла: «Ты пошто девку выпустил?» — «Я у тебя сколь годов, а ты меня ни разу не перевязывала, а она и ленточку не пожалела». Она ворота ругать: «Пошто девку выпустили?» Ворота ей говорят: «Она нас дёгтем смазала». Собак тоже набила. Выскочила, села в свою ступу, поехала: «Ступи, ступа, семь вёрст, ступи, ступа, семь вёрст!» Догонят девку. Та как увидела, бросила через себя гребень — такой березник нарос! Сама дальше, а старуха вобратно, взяла топор, давай себе просеку прорубать, секла-секла, просекла. Опять догонят. Толды девка щеть бросила — такие ёлки наросли! Снова рубить зачала, прорубила грань*, говорит ступе: «Ступи, ступа, семь вёрст!» Опять догонят. Толды девка брус бросила. Такая гора стала высокущая! Ступа скочит на её да и скатится, скочит — да и скатится. Так она и воротилась ни с чем. Пришла девка домой, мачеху диво взяло: «Дак как же это она её не съела?» Больше с мачехой жить не стала.

Про золотых ребят

Одна девушка хвасталась, что она золотых робят мужу принесет*. Вот на ей один парень и надумал жениться. А тут ведьма одна была, она напросилась при родах помогать. Девка принесла трех золотых мальчиков. Ведьма этих ребят унесла, бросила на зеленый луг, вместо их родильнице подложила троих щенят. Муж как-то это вытерпел. Во второй раз опять ведьма пришла жене помогать при родах-ту. Родила жена троих золотых мальчиков, баба-ведьма заменила их на котят, детей выбросила. Муж жену не ругат, а баба-та ему говорит: «Она ведь обещалася золотых робят носить, а носит все котят да щенят». В третий раз опять жена принесла золотых ребят. Допетрила*, одного сопрятала в подушку, а ведьма остальных вынесла, куда-то девала. Муж тут уж не утерпел: «Не нужна мне такая жена, но бить не буду. В бочку

закину и в сине море пущу». Жена взяла с собой подушку. Вот в бочке плавают, сын скорехонько вырос — она его грудью кормила. Сын раз и говорит: «Как потяну ножками, и бочка рассыплется». Мать просит его: «Не надо, не то в море утонем». А он говорит: «Мы уже не в море, на суше». Потянулся, бочка лопнула, оказались они на берегу. Тут стоит дом, большой-пребольшой. Сын-то говорит матери: «У меня ведь еще братья есть, есть хочут». Она начилькала* ему молоко, он пошел в лес, нашел их там, накормил-напоил. Все тут оне вышли на берег к матери и стали жить в этом большом доме. Раз в море ходили пароходы. Братья вышли все на берег, а золотые — их далеко видать. Люди с парохода смотрят, удивляются, что за чудо. Тут на корабле и отец оказался, он подплыл к берегу, встретил жену, узнал. Она ему показала всех сыновей. Он их на корабль и увез всех с собой. Под окошечком-то лодочка, в воде щучка да елец, этой сказке конец.

Три царских сына

Жил царь со царицей, и было у их три сына. Два хорошие, баские, а третий — кривой. И была еще у их собачка-пустолайка. Царь как-то загулял от своей царицы, бросил её, привёл себе другую. Царица с новой-то подругой разругалась, давай они друг другу глаза царапать, выдрала та ей глаза. Полюбовница тут велела царю слепую жену заколотить в бочку, туда же посадить трех сыновей и собачку-пустолайку. Так и сделали, отправили их по воде. Плывут они, плывут, и тут такая погода* сделалася. Мамонька говорит сыновьям-то: «Молитеся пушше». Они давай молиться, и прибило их к берегу. Кривой-то сын говорит: «Такое бы солнышко сделалося, рассушило бы бочку и мы бы на берег вышли». Мать-та и говорит: «Молитеся пушше». Сделалось солнышко, бочку рассушило, и они вышли на берег. «Сделалась бы река молоком, а берега киселём, мы бы стали кор-

миться»,— говорит кривой-то сын. Тут берега стали киселем, а река молоком. «Сделался бы на горе дом, стали бы мы в ём жить»,— говорит кривой сын. Смотрят — на горе дом стоит, стали в ём жить. Вот как-то раз два сына ушли в лес, и кривой сын тоже в лес пошёл, один. Шёл он, шёл, нашёл тамо столб, на ём сидел кот и мурлыкал. Достал кривой сын хлеб из сумки, а туда кота посадил. Столб спилил и домой его, вкопал его коло дому, кота на его снова посадил. Снова ушёл в лес, шёл-шёл, нашёл кустички, на их птички райские сидели, песни царские распевали. Опять добыл хлеб из сумки, туда птичек посадил, кустик выкопал, домой унёс, под окошко посадил. А мать-та ничё не видит: слепая. Попросил её кривой сын как-то состряпать шанежек на грудном молочке, взял их с собой, в сумку положил и пошёл братьев своих искать. Шёл-шёл по лесу, нашёл кожу*, полез в её, сидит, на ёлке. Смотрит под вечер — братья его идут, кожу ищут. Кричат: «Куды наши кожи девалися, как зиму зимовать будем?» А младший сын свесил с ёлки сумку. Увидели они в сумке шанежки и давай их есть. Ели, ели, а один из них как крикнет: «Это мамонькины шанежки, она их на грудном молочке испекла». Тут младший сын слез с елки и повел их домой. Пошли они к родной матери. Потом к им в дом пришли нищие, попросились ночевать. Ночевали, дальше пошли. И попали к царю. Он их накормил, они рассказали, что ночевали у слепой царицы, у которой один сын кривой, а два сына — по локти золото, по колено — серебро, а в глазах звёзды, во лбу месяц, и ещё есть с ими собачка-пустолайка. «Не моя ли царица там живёт?» — думает царь. А собачка-пустолайка тишком прибилась за нищими, во дворец прокралася, притаилась. Полюбовница царёва кричать, а собачка тявкать: «Я мамоньке скажу». Нищие снова пошли к царевне, рассказали, что были у царя. Потом снова к царю пошли, рассказали про реку, берега кисёлем, про столб с котом Мурлыкой, про куст с райскими птичками, которые царские песенки поют. «Это ведь моя царица там живет, пу-

шай она ко мне идёт жить»,— говорит царь. А полюбовница кричит: «Я её убью!» А собачка вся тявкает: «Все мамоньке скажу». Вот кривой сын пошел к царскому дворцу. Пришёл, лёг у крылечка и заревел, как малинькой. Вышла баба, подобрала его, думат — подкидыш. Положила его в зыбку, повесила над зыбкой материны глаза, сама вышла. Схватил он те глаза — и домой, вставил их матери. Тут снова нищие приходят: «Мы у царя ночевали, он тебя к себе зовет жить».— «Нет, пусть он сам приходит». Нищие передали царю. Тогда царь бабу-полюбовницу посадил на ворота и расстрелял её, сам к старой жене уехал.

Волшебное колечко

Жила-была в одном богатом королевстве бедная девушка с маленьким братцем. Никого у их не было. Одним их богатством был соловей в клетке да роза в старом горшочке, на подоконнике. Она за ними бережно ухаживала изо дня в день. Когда уж совсем нечем стало кормить своего брата, девушка собралась в лес по ягоды, взяла с собой лукошко и отправилась в путь. Шла она, шла и набрела на большую поляну, где было очень много ягод. Набрала она полное лукошко и только хотела повернуть домой, как услышала плач. Подбежала она к старому пню и увидела там маленького-маленького старичка-лесовичка, который себе бороду в пень прищемил. Она помогла ему выбраться из ловушки. Потом старичок поблагодарил её и подарил ей в награду драгоценный перстенек. И сказал: «Спасибо тебе, красная девица, вот тебе волшебное колечко, оно исполнит любое твое желание. Поверни колечко вокруг пальца, и желание исполнится». С этими словами старичок исчез, будто его и не было. Пошла девушка домой, пришла, ничего своему брату не говорит. После этого стали они жить безо всякой нужды. Потом она повстречала молодца, они поженились и зажили счастливо. И счас поди ещё так и живут.

Змей Горынович

Жили-были мужик, и у его было три сына. Вот сыновья большие стали, спрашивают отца: «А была ли у нас мама?» — «Как де не была, была, а её Змей Горынович утащил». А этот змей был двенадцатиголовый. Узнали сыновья это, пошли мати искать. Шли-шли, дошли до одной избушки. А избушка на курьих ножках, стоит и шатается из стороны в сторону. В ей Кощей Бессмертной живет. Зашли они туда, огляделись, слышат: кто-то ступат по ступенькам в избушку. Младший скоря полез в печку, постарше которой — под кровать, а самый старший — под лавку. Кощей Бессмертный заходит и говорит: «Кто это в моём доме нахозяйничал?» Братья тут испугались, задрожали. Заслонка открылась, увидел он младшего, вытащил, велел ему сад сторожить с яблоками. Младший сын не укараулил, воры все яблоки украли. Он посмотрел — ни одного яблочка нету, тогда сбежал, пошёл дальше мати свою искать. А середнего сына Кощей Бессмертный нарядил сад с грушами сторожить. Тот приходит в сад, видит: ворона клюёт груши, он поймал её за хвост, она полетела, а одно пёрышко оторвалось. Середний сын думает: «Теперь мне житья от Змея не будет», тоже убежал, пошёл свою мати искать. Кощей Бессмертной отправляет старшего сына охранять сливовый сад.. Он тоже не стал охранять, сбежал, тоже пошел мать свою искать. Встречаются все трое у дубового леса, пошли по дороге. Шли по ей, шли, дошли до царства, где Змей Горынович живёт. Тут свою мать встретили. Она им и говорит: «Кто вы такие? Зачем вы сюда пришли, он вас в темницу посадит». Сыновья ей говорят, что они её сыновья. Спросили у матери, где сила у Змея спрятана. Она говорит: «Ладно, узнаю». А Змей Горынович уходил на охоту. Пришёл, а мать-та у его спрашивает, где у его сила спрятана. Тот ей говорит: «Вот в этом очаге». Она весь этот очаг изукрасила разно. На другой день Змей Горынович снова приходит, видит, что очаг украшен, засмеялся:

«У меня сила-та вовсе не здесь, а вон в том столбе». Она снова изукрасила этот столб, ей сын младший посоветовал так сделать. И верно в этом столбе она и была. А сыновья велели ей с ними идти к отцу. Мать-та и говорит: «Нет, уж я к этому столбу прикована жить, идите одни». Так они и ушли ни с чем.

Баба-Яга

Жили-были старик со старухой, и было у их двое детей, сын и дочь. Раз пошли они в лес по ягоды, ходили в лесу, ходили и заблудились. Вышли всё же к какому-то домику, у его крыша из пирогов, рамы из сахара. Дочь Маша беда пить захотела, думала, на окнах лед, давай его сосать, поняла, что сахар. Кричит брату: «Ванька, иди сахар есть». А в доме-то жила Баба-Яга. Она услышала голос, выбежала. Ванька кричит: «Прячься!» А не успела она спрятаться, её Баба-Яга схватила. А Ванька полез на крышу, давай пироги снимать да кидать, ищет сестру. Баба-Яга и его поймала, посадила в клетку, сама Маньке велит печку топить, воду греть, чтобы Ваньку сварить. А Манька не будь плоха дрова в бочку с водой перво сунула, они и не горят. Все же печка истопилась, Баба-Яга велит Маньке туда полезать. Та на шесток полезла, руками-ногами уперлась, будто не может пролезти в печку-ту. Баба-Яга давай ей показывать, как надо лезти. Манька силы собрала и её в печку-то фурнула*, там Баба-Яга и изжарилась. Ванька с Манькой пироги взяли, сахар наломали и домой пришли, отец с матерью радёшеньки.

Сын из вороньего гнезда

Жили-были дед да баба. Не было у них ни одного сыночка. Раз пошёл старик в лес по ягоды и видит дуб, а на дубу гнездо. Рядом с гнездом коршун летат. Старик скорее полез на дерево, спас яички в гнезде, отогнал коршуна. Тут прилетает птица и говорит старику спасибо, что он яички спас.

Дала она деду в подарок одно яичко, велела принести домой и положить в теплое место. Он так и сделал, пришёл домой, завернул яичко в шубу, спать лёг. Наутро встают дед с бабой, старуха и спрашивает деда: «Кто это у нас на печке песенки поет?» Старик и рассказал. Это сын у их стал, растёт не по дням, а по часам. Растёт и растёт, а ест как — по буханке хлеба, по кадушке супа. Старик со старухой терпели-терпели, да и отослали его в город — деньги зарабатывать.

Про Бабу-ягу и Нюрочку-девчурочку

Жили-были дед да баба, и была у их внучка, Нюрочка-девчурочка. Вот один раз позвали Нюрочку-девчурочку подружки в лес по ягоды. Нюрочка просится у деда: «Дедо, можно я пойду с подружками в лес по ягоды?» Старик отвечает: «Иди, да только смотри, не потеряйся». Ушли они в лес, ходят собирают. Тут много ягод увидели, разошлись по полянкам. Нюрочка одна осталась, давай кричать. Потом на дерево полезла, смотрит: никого нет и дороги не видно. Вдруг видит: идёт Баба-яга. Баба-яга увидела Нюрочку-девчурочку, сохватила её и утащила в свою избушку. Наказала ей: «Будешь у меня печку топить, дрова рубить, воду носить, тесто месить, пряжу прясти да дома мести». Ладно, стала Нюрочка-девчурочка пряжу прясти, села у окошка, сама сидит и плачет. Идут мимо овечки да баран: «Бе-е-е, что ты плачешь, девочка?» — «Как мне не плакать, меня Баба-яга заставила печку топить, дрова рубить, воду носить, тесто месить, пряжу прясти да дома мести». Баран ей и говорит: «Садись на меня, Нюрочка-девчурочка, я тебя увезу». Села она на его верхом, поехали. А Баба-яга воротилась домой, видит — никого нет, взяла скорее ступу и полетела в догонь*. Догнала она их, сохватила Нюрочку-девчурочку, обратно притащила. Снова сидит Нюрочка-девчурочка у окошка, прядёт и плачет. Видит — идут мимо козы: «Ме-е-е, что ты плачешь, девочка?» — «Как мне не плакать, меня Баба-яга заставила

печку топить, дрова рубить, воду носить, тесто месить, пряжу прясти да дома мести». Козел ей и говорит: «Садись на меня, Нюрочка-девчурочка, я тебя увезу». Села она на его верхом, поехали. А Баба-яга воротилась домой, видит — никого нет, взяла скорее ступу и полетела вдогонь. Догнала она их, сохватила Нюрочку-девчурочку, обратно притащила. Снова сидит Нюрочка-девчурочка у окошка, прядёт и плачет. Видит — идут мимо коровы да бык: «Му-у-у, что ты плачешь, девочка?» — «Как мне не плакать, меня Баба-яга заставила печку топить, дрова рубить, воду носить, тесто месить, пряжу прясти да дома мести». Бык ей и говорит: «Садись на меня, Нюрочка-девчурочка, я тебя увезу, только привяжи мне к хвосту солому да держись покрепче». Села она на его верхом, привязала солому, поехали. А Баба-яга воротилась домой, видит — никого нет, взяла скорее ступу и полетела вдогонь. Догнала она их, хочет схватить, а Нюрочка-девчурочка давай в её солому кидать, все глаза ей залепила. Вот и приехали домой, к деду да бабе, стали вместе жить.

Анна-Снежурка

Были в одной семье три сестры, младшую звали Анна Снежурка. Настало лето, пошли сестры в лес по ягоды, младшую с собой созвали. Вот пришли в лес, бегают по полянке, а Анна-Снежурка ягодки собират, земляничу. Девки бегали-бегали да и придумали между собой — давай Анну-Снежурку убьём и в землю спрячем. Согласилися, в земле ямку вырыли, её убили и закопали, а ягодки разделили себе, кружечку разломали и бросили. Потом пришли домой, Анну-Снежурку не привели. Баушка спрашиват: «Где Анна-Снежурка?» — «В лесу отстала, мы её искали-искали, она нас не услышала». Потом на её могилке в лесу выросла таволотка*, длинная такая вичка. Шли как-то раз мимо той таволотки два бурлака. Им она беда понравилась. «Давай её срежем, ни сучков, ничё на ей нету». Срезали, смотрят: она пустая,

дудку сделали. Зачали в её дуть, а она давай петь, давай играть:

Дяденька, потихоньку,
Свет родной, потихоньку.
Две меня сестрицы убили,
Дуб — под дуб схоронили,
Ягодки разделили,
Кружечку изломали.
На моей-то могилке
Выросла таволотка.
Шли-пришли два бурлака,
Срезали таволотку,
Сделали по дудочку...

Имя интересно стало, взяли дудки. Идут дальше. Вот время подходит у бурлаков, надо имя где-то ночевать. Подошли к деревне, шли-шли, зашли в крайну избушку и кабыть* угодили к этим дедушке с баушкой, где Анна-Снежурка жила. Зашли, видят: баушка сидит, плачет. Они спрашивают: «Чего, старая, плачешь?» — «Вот какое у меня горе. Была внучка Анна-Снежурка и не стало».— «Ой, баушка, не плачь, мы тебя развеселим. Споём тебе песенку». Поужнали, чай попили, сели, один бурлак взял дудку, зачал дуть, она опять заиграла:

Дяденька, потихоньку,
Свет родной, потихоньку.
Две меня сестрицы убили,
Дуб — под дуб схоронили,
Ягодки разделили,
Кружечку изломали.
На моей-то могилке
Выросла таволотка.
Шли-пришли два бурлака,
Срезали таволотку,
Сделали по дудочку...

Баушка услышала песню и думат: «Ведь это, наверно, наша Анна-Снежурка». Взяла у их дудку, на ночь на печку положила. Ночью дудка-то рассохла, Анна-Снежурка из её и выскочила, из дудки-то. Вот и сказка вся.

Анна-Снеженичка

Жили-были дед да баба, детей у их не было. Вот когды-ко пришла зима, оне и говорят: «Давай сделаем Анну-Снеженичку». Как сказали, так и сделали. Принесли снежок, вылепили девчонку. Потом лето приходит. Пришли к Анне подружки и говорят: «Пойдём с нами по губки*, по ягодки». Анна-Снеженичка отвечает: «Не пойду, у меня башмачков нету». Потом другоредь* девочки приходят: «Пойдём с нами по губки, по ягодки!» Анна-Снеженичка отвечает: «Не пойду, у меня платьичка нету». В третий раз приходят подружки, зовут: «Пойдем с нами по губки, по ягодки!» Анна Снеженичка отвечает: «Не пойду, у меня платочка нету».— «Дак ты у баушки у своёй возьми». Так и сделали. Пошли они в лес. Шли-шли, нашли грибы-ягоды. Вот уж у их плетенёчки* полнёхоньки, а домой не знают как идти, заблудились. Вдруг видят — избушка стоит. Постукались во дверь, зашли. А там в избушке жил Ванька-Коростовик. Он их накормил, отогрел, потом принёс ступку, поставил у порога и говорит: «Кто перескочит ступу — домой пойдёт, кто нет — останется». Все девушки скочили — перескочили, Аннушка не смогла, оставил её у себя Ванька-Коростовик. Повешал он зыбку, лёг в неё и велел Аннушке качать её. Вот Анна-Снеженичка сидит байкат* его: «Спи час, спи два, спи, чугунна голова...» Когды-ко уснул Ванька, вышла Аннушка на крылечико, села на ступеньки и плачет. Идёт мимо заяц, говорит ей: «Пошто, Аннушка, плачешь?» — «Дак как не плакать, Ванька-Коростовик меня не отпускат домой, велит его байкать». Заяц ей и говорит: «Садись на меня, я тебя живо домой увезу». Увёз. Вот Ванька-Коростовик проснулся, ви-

дит: нету Аннушки, кинулся в сугонь*. Догнал зайца, сохватил девочку, вобратно её принёс, опеть велит байкать. Ну, Аннушка поёт: «Спи час, спи два, спи, чугунна голова...» Уснул Ванька, Аннушка вышла на крылечию, сидит горюет. Идёт мимо волк, спрашивает: «Пошто, Аннушка, плачешь?» — «Дак как мне не плакать, меня Ванька-Коростовик домой не отпускат, велит его байкать».— «Садись на меня, я тебя отвезу домой». Ванька-Коростовик проснулся когды-ко, опять в сугонь бежать, поймал волка, отобрал Аннушку, вобратно в свою избушку принёс, велит снова байкать. Потом Аннушка опеть сидит на крылечике, ревёт, мимо медведь, он её тоже увез, а Ванька и его поймал. Всё уж, всякую надию* девка потеряла, сидит на крылечике, плачет. Тут идёт мимо бык и спрашивает: «Пошто, Аннушка, плачешь?» — «Дак как мне не плакать, меня Ванька-Коростовик домой не отпускат, велит его байкать. — «Садись на меня, я тебя отвезу домой».— «Поймает нас Ванька-Коростовик».— «Ничё не будет, ты мне в зад большой сук забей, он станет догонять-то, ты его выдергни, я ему в шары-те как дрисну, все шары залеплю». Так и сделали. Стал их Ванька-Коростовик догонять, как бык дриснул, Ванька ничё не видит, побежал на речку умываться, они в ту пору и домой набежали...

Дудочка

Жили-были муж да жена, и было у их три дочи и один сын. Пошли раз дети в лес по ягоды, ходили-ходили и одну сестричку оставили в лесу. Домой воротились, мать-та у их спрашиват: «А где у вас сестричка-та?» — «В лесу осталася». Потом через како-то времe братчик пошёл в лес коней искать. Ходил-ходил, притомился, сел на кочечку, срезал тут с кустика дудочку и стал в её играть. А дудочка ему и поёт:

Дудочка, не свисти-ко,
Милая, не свисти-ко,
Две меня сестрички убили,

Во сырой меня бор закопали,
Губки-ягодки разделили,
Пестерь* да наберушку* разбросали.

Братчик испужался, побежал домой. Мать спрашиват у его про коней, а он ей и говорит: «Я тебе в дудочку сыграю». Дудочка и пропела:

Дудочка, не свисти-ко,
Милая, не свисти-ко,
Две меня сестрички убили,
Во сырой меня бор закопали,
Губки-ягодки разделили,
Пестерь да наберушку разбросали.

Мать велела ему еще раз на то же место сходить, другую дудочку срезать. Он сходил, принес, дудочка опять пропела:

Дудочка, не свисти-ко,
Милая, не свисти-ко,
Две меня сестрички убили,
Во сырой меня бор закопали,
Губки-ягодки разделили,
Пестерь да наберушку разбросали.

Тут мать сдогадалася, чего с дочкой случилось, прокляла дочерей, из дому их выгнала.

Девушка-берёзка

У одного царя был сын. Минуло ему восемнадцать лет, приходит он к своему отцу и говорит: «Царь родим-тятенька, позволь мне невесту сыскать. Хотел бы я отправиться в путь, своё счастье найти». Благословил его царь и отправил сына в путь-дорожку. Сел царевич на коня борзова и поскакал, сам не знает куда. Ехал-ехал, случилось ему в лесу заночевать, а на ту пору в лесу гроза приключилася. Ветер свищет, деревья к земле гнет. Царевич потом дорогу не может найти, заплутал, попал в чащу непроходимую, где только волки да медведи живут. Потом видит: стоит между ёлок

берёзка, сама пряменькая, листья шёлковые, ветки к земле приклоняет, как будто манит царевича под свой шатёр. Сел он тут под берёзку и заснул мертвым сном. Спит и слышит сквозь сон, будто кто-то разговаривает с им: «Царевич-царевич, ты спишь и не знаешь о моём горевье* лихом. Я не бела берёзка, я красна девица. Была я у отца одна дочь, да посватался ко мне злой колдун, отказала я ему, вот он и заколдовал меня в берёзку». Пробудился царевич, смотрит: солнце высоко, а по листичкам роса катится, будто слёзы. Хотел он с берёзки веточку сорвать, да березка тут застонала человеческим голосом. Тут он понял, что перед им заколдованная девушка, только расколдовать царевич её не смог, потому что тайну унёс колдун в могилу. Так и стоит берёзка, ветки вниз клонит, вот и зовут её плакучая.

Марфита Прекрасная

Жили отец-мать, и была у их дочь — Марфита Прекрасная. Приехали по её сватальщики* свататься. Высватали её вроде, а сами дальше поехали свататься, другую. Марфита у их спросила: «Где вы живёте?» — «Вот туда к нам дорога». Марфита пошла во двор, обседлала лошадь и по этой дороге поехала. Ехала-ехала, видит: в лесу стоит дом, вокруг его костры горят. Около дома дрова, много. Поставила она коня за костры, идёт по лишанкам* в дом, видит: на ступешках-то кровь. На мост зашла, видит: тамо туши висят человечьи. Пошла к печке, открыла: тамо титьки пекутся женские. Хотела обратно идти, слышит — кто-то едут. Она под глухую кровать забилась, слушает. Они привезли себе невесту, велят ей: «Клади руки на плаху». Та невеста говорит: «Я у матушки руки не клала, у батюшки не клала и у вас не буду». Они силом положили, отрубили. Руку с кольцом под кровать бросили. Марфита её себе в корман положила. Они снова говорят: «Клади голову на плаху». Та говорит: «Я у матушки не клала, у батюшки не клала, и у вас не буду». Они положи-

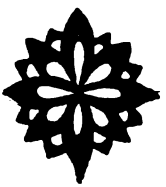
ли, отрубили девке голову. Тут достали из печки еду, поели, спать легли. Спят, уснули крепко, Марфита скорее на лошадь — и домой, приехала, спать легла. Отец утром пошёл во двор, видит: лошадь вся мокрёхонька. Марфита ему и говорит: «Она не ко двору, её суседко всю ночь гонял». Ладно. Тут снова эти женихи приезжают по Марфиту. Марфита тут говорит: «Я вам свой сон расскажу». А гости-те, сватальщики, торопятся, говорят, что им скорее надо. Отец говорит: «Пусть рассказывает». Марфита рассказала: «Будто я выехала на коне, заехала в лес, там домик, вокруг его костры горят, стала по лишанкам подыматься, а оне в крове. На мост зашла, а там туши человечьи лежат, в печку поглядела: там титьки женские пекутся». Сватальщики снова говорят: «Мы-де беда торопимся». Отец говорит: «Нет, пусть Марфита дорасскажет». Вот Марфита дальше рассказывает: «Хотела бежать, слышу: кто-то едет, я под глухую кровать забилась. А они привезли невесту, велят ей руки на плаху класть, отрубили руки, бросили руку с кольцами под кровать, после голову отрубили». Гости говорят: «Неправда это всё». Марфита говорит: «Нет, это вы были». Вынула руку из кармана с кольцом. Тут уж этех сватальщиков забрали, поехали в ихный дом, разобрались, расстреляли их. Вот и сказке конец, кто слушал — молодец.

Сказка про людоеда

Жили-были старик со старухой, и было у их три сына, два умные, а третий — Иван-дурак. Вот сыновья выросли, родители послали их себе свой кусок зарабливать. А братья не захотели младшего, дурака, с собой. Отец-мать приготовили им всё в дорогу, в мешок склали. Иван-дурак пораньше утром встал, полез в один мешок. Братья утром мешки хвать — и в дорогу. Добежали до леса, пристали, один говорит: «Давай поедим». Развязали мешок, а там Иван-дурак. Вот они его бить, а Иван-дурак говорит: «Не бейте меня, я

вам пригожусь». Ладно. Пошли дальше. Идут-идут, а из лесу всё не могут выйти. Уж тёмно стало. Иван им и говорит: «Братья, давайте выберем самое высокое дерево, я погляжу, где огоньки». Полез на дерево, увидел два огонёчка. Пошли на эти огонёчки, вышли из лесу, поле перешли, видят дом с двумя окошками. Побрякались, им женщина двери открыла. Продукты у их свои были. Женщина их в дом не пустила, велела в амбар идти. Они в амбар зашли, она их на замок тамо закрыла. Поели братья и сразу уснули, намаялись в дороге. А Иван-дурак не спит. У его с собой были спички, он решил засветить их, оглядеться. Зажег, видит на полке лежат человечьи головы, руки, ноги, груди женские. Испугался беда, а не стал братьев будить. Слышит, кто-то на телеге едет. Телега к дому подъехала, хозяйка вышла открывать и спрашивает: «Ну чё, нашёл что-то?» — «Нашел одного, маленького».— «А я зато троих нашла, да таких здоровенных». Как услышал это Иван-дурак, давай братьев будить: «Вставайте, мы к людоедам попали». Спичку зажег, показал головы. А у людоедов были сын и дочь. Дочь пошла проведать, спят — нет братья. Открыла замок. А они топор нашли, отрубили ей голову. Хозяева посылают проведать сына. Они и ему голову долой. Хозяйка пошла, её тоже топором. После того пошли в дом. Заходят: людоед сидит за столом, перед им жарёха, везде кости валяются. Они и его убили. Коней запрягли, нагрузили всякого добра — золото и все такое — домой поехали. Отец с матерью беда обрадовались, что Иван-дурак их спас.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ



Алёнушка и братья разбойники

У богатого мужика, у Шмалягина, было девять сыновей да десята дочь Алёнушка. Все сыновья в разбой ушли, а дочь Алёнушку взамуж отдали далеко. Вот она там год живет, другой, сына родила. Потом стосковалася, зовёт свово мужика к своей матере в гости: «Поедем, покажем баушке внучка». Собралися, поехали. Едут по лесу, а страшно, темно. И тут им встречу разбойники. Убили они зятюшка, племенничка свово на штык соткнули, Алёнушку в полон забрали. Вот и стали они её спрашивать: «Чия ты будешь, али ты царская, али государская?» Алёнушка отвечат: «Я дочь не царская, не государская, а я дочь богатого Шмалягина». Братья-разбойники тут её признали, говорят: «Ой ли ты, милая наша сестричка, почему ты нам не сказалась? Мы бы зятюшка не убили, племенничка на штык не соткнули, тебя бы в насильничий полон не взяли». Тут и поплакали тожно, а что уж делать-то...

*Сказка про зимогора**

Пробирался как-то раз зимогор домой. Застала его ночь, пришлось ему в одной деревне на ночь проситься. Увидел он старика на улице, спрашиват: «Добрый человек, где в вашей деревне ночь скоротать можно?» Старик отвечает: «В любу избу иди, только вон в крайную не заходи, там беда скупые». Не послушал зимогор, пошёл в крайный дом. Зашёл в избу, сел на лавку и говорит: «Добрые люди, дайте мне у вас ночь ночевать, «спасибо» скажу». Хозяева давай ему отказывать, а зимогор на печку полез и стал их оттуда благодарить. Ну, оне и подумали, что-де глухой, оставили его в покое. Утром хозяйка бы думает печку топить, есть приготовить, а боится, что зимогор проснется. Потом все-таки затопила, шаньги испекла. Зимогор тут проснулся кабыть, собрался, оделся дальше идти. Хозяйка давай с его деньги трясти: «Денежки-то есть?» Зимогор опять глухим

прикинулся: «Шанежки, говоришь, поесть? Можно и поесть». Сел за стол, досыта наелся, спасибо сказал и ушёл. Вот так жадных хозяев наказал.

Ленивый Касьян

Жил-был в незнаемое время человек, звали Касьян. И был он большой лентяй. Жена и дети у его сидели голодом, ходили в обносках. Стала жена Касьяна ругать, что тот не робит, а он ей отвечает: «Не горюй, счас бедно живем, потом заживём богато». Ждали-ждали жена и дети, дождаться не могут. Тут Касьян решил идти к умному человку, чтоб тот его научил, как от бедности отбиться. Шёл Касьян три дня и три ночи, встречает по дороге тощего волка. Волк его и спрашивает: «Куда идёшь, милый человек?» — «Иду к умному человеку совета спросить, как обогатеть». Волк его просит: «Узнай, пожалуйста, что мне делать, у меня уж который год беда болит в брюхе».— «Хорошо»,— сказал Касьян, дальше идёт. Идёт-идёт, видит: возле дороги яблоня стоит. Та его тоже спрашивает: «Куда идёшь, милый человек?» — «Иду к умному человеку совета спросить, как обогатеть».— «Спроси у его, что мне делать. Кажну весну зацветаю и тут же разом все цветочки обсыпаются, яблок не родится».— «Хорошо». Идёт дальше. Шёл три дня и три ночи, дошёл до большой реки. Из воды тут рыбина большая голову высунула, спрашивает Касьяна, куда это он путь держит. Попросила его: «Спроси умного человека — у меня что-то седьмой год колет в горле, что делать». Касьян дальше пошёл, шёл-шёл, дошел до рощи, видит: под кустом сидит дед с большой бородой. Старик этот поглядел на Касьяна и спрашивает: «Что тебе нужно, Касьян?» Касьян удивился: Как же ты моё имя знаешь? Ты, наверно, и есть тот человек, к которому я за советом иду».— «Говори, что надо». Касьян сказал свою просьбу, про волка, яблоню и рыбу не забыл. Мудрый старик сказал, что у рыбины в горле застрял большой бриллиант,

под яблоней зарыт большой горшок с серебром. Сказал, что волк вылечится, если съест лентяя. Ещё сказал, что просьба Касьяна исполнена. Тот обрадовался, пошёл обратно. Рыбине сказал, что бриллиант надо достать. Та его попросила достать, возьмёшь мол себе, обогатеешь. Он и говорит ей: «Зачем мне трудиться, у меня без того всё само собой появится. Потом к яблоне пришёл, та просит его клад раскопать, Касьяну опять неохота. Дошёл до волка. Сказал, что старик ему говорил, рассказал про рыбу, яблоню. Волк обрадовался, говорит: «Мне видно и не надо искать лентяя, лентяй сам пришёл». Набросился на Касьяна, съел его. С неба пали три яблока, одно тому, кто слушал, другое тому, кто рассказывал, третье всем остальным.

Про Ивана

Ходил Иван по свету, ходил, поистрепался весь, лохмотья одни, только вот сапоги целые. Идёт Иван и встречает богатого мужика, тот жирного быка за собой вёл. Решил его Иван нагреть, мужика-то, у богатого-то чё, всего много. Бросил он на дорогу один сапог, потом отошёл порядошно и за поворотом бросил другой. Богатый мужик нашёл сапог, повертел его, повертел, видит: второго нету, бросил и дальше идёт. А тут попадает ему второй сапог. Он решил за первым сапогом сходить, а быка привязал к дереву. Иван в это пору скорёхочко быка заколол, голову ему отрезал, тушу в лес уволок, а голову в реку бросил, сам в кустах спрятался. Богатый с сапогом приходит, видит: бык в воде стоит, только голова торчит. Давай его звать, а бык не идёт и всё тебе. Тогда мужик разболокается* и в воду лезет, быка тащить. А Иван одежду богатого хвать — да и был таков.

Нищая и лапоть

Нищая одна была, ничё у ё не было, а только был лапоток. Придумала она с им фокусы проделывать. Пошла с ла-

потком по деревням. Шла-шла, до деревни дошла, просится ночевать: «Хозяюшка, пусти меня. У меня еще с собой есть лапоток, он у меня спит только с курочками во хлеве».— «Ну-к чё, с курочками дак с курочками, пушай спит». Пустили ночевать во хлев, повесили его на нашест. Утром встала эта баушка, собиратся и говорит: «У меня где-то с собой была курочка, пущена во хлев». — «Да ты чё, баушка, у тебя только лапоток был».— «Нет, что ты, что ты, это курочка была». Спорили-спорили, пришлось хозяевам курочку отдавать за лапоток. Ладно. Пошла она с курочкой. До второй деревни доходит, опять надо ночевать. Просится в дом и говорит: «Хозяюшка, пусти меня. У меня еще с собой есть курочка, она у меня спит только с гусями».— «Ну-к чё, с гусями дак с гусями, пушай спит». Пустили ночевать во хлев. Утром встала эта баушка, оболокатся* и говорит: «У меня где-то с собой был гусек, пущен во хлев».— «Да ты чё, баушка, у тебя только курочка была».— «Нет, что ты, что ты, это гусек был». Спорили-спорили, пришлось хозяевам гуська отдавать за курочку. Пошла баушка дальше. Шла-шла, вечер стаёт, дошла до деревни, надо ночевать. Просится в дом: «Хозяюшка, пусти меня. У меня еще с собой есть гусек, он у меня спит только с овечушками во хлеве».— «Ну-к чё, с овечками дак с овечками, пушай спит». Пустили ночевать во хлев к овечкам. Утром встала эта баушка, собиратся и говорит: «У меня где-то с собой была овечка, пущена во хлев».— «Да ты чё, баушка, у тебя только гусек был».— «Нет, что ты, что ты, это овечушка была». Спорили-спорили, пришлось хозяевам овечку отдавать за гуська. Пошла баушка дальше. Доходит до четвёртой деревни, снова ночь стаёт, надо спать где-то. Просится в избу: «Хозяюшка, пусти меня. У меня еще с собой есть овечка, она у меня спит только с бычками во хлеве».— «Ну-к чё, с бычками дак с бычками, пушай спит». Пустили ночевать во хлев к бычку. Утром встала эта баушка, собиратся и говорит: «У меня где-то с собой был бычок, пущен во

хлев».— «Да ты чё, баушка, у тебя только овечка была».— «Нет, что ты, что ты, это бычок был». Спорили-спорили, пришлось хозяевам бычка отдавать за овечку. Она его на верёвку и за собой повела. Дошла до следущей деревни, ночь близко, нашла дом у богатого мужика, просится: «Тятенька, пусти меня. У меня ещё с собой есть бычок, он у меня спит только с конями».— «Ну-к чё, с конями дак с конями, пушай спит». Пустили ночевать к коням во двор. Утром встала эта баушка, собиратся и говорит: «У меня где-то с собой была лошадка, пущена во двор».— «Да ты чё, баушка, у тебя только бычок был».— «Нет, что ты, что ты, это лошадка была». Спорили-спорили, пришлось хозяевам лошадку отдавать за лапоток, она ещё и сани, сбрую у их выманила, хомут да дугу. Запрягла лошадку, едет и поёт песенку про бычка:

Тпрутька-бычок, по дорожке бежит,
Сани чужие, хомут не свой, погоняй, не стой.

Волк услышил, стал у дороги, ждет старуху. Она подъехала, он ей и говорит: «Какая у тебе писенка красивая! Возьми меня с собой».— «Садись». Поехали они втрою уж, с зайчиком да с волком, старуха песню поёт:

Тпрутька-бычок, по дорожке бежит,
Сани чужие, хомут не свой, погоняй, не стой.

Лиса услышила, выбежала на дорогу: «Какая у тебе писенка красивая! Возьми меня с собой».— «Садись». Поехали они уже четверо, с зайчиком да с волком, да с лисой. Тяжело стало везти лошаде-то. Как оне только в лог заехали, у их оглобля изломалася. Баушка ну ругаться: «Это вы тут насели, така тяжесть, изломали оглоблю. Бежи, заяц, в лес по оглоблю». Заяц убежал. Нашёл тамо вицу, тащит её в роте. «Ох ты, бестолковой ты! Эка ли у мня была оглобелька!» — наругала старая зайчика, говорит: «Давай, лиса, бежи». Лиса тоже нашла вичку. Баушка и её отругала: «Ну ты и бестолковая, эка ли живёт оглобля!» Посылат тожно волка: «Бежи, волк, по оглоблю». Волк ушёл, ходил-ходил, жердь прита-

щил со всем с корнями. «Бестолковой ты, бестолочь!» Пришлось самой идти. Пошла, а звери чего удумали — лошадку зарезали, пучину* ей распороли, кишки все выпустили, колья воткнули в землю, на их кожурину-ту* натянули и к саням приставили, запрягли тоже, а потом сами ушли под ёлки, смотрят. Старуха пришла, принесла оглобельку, привязала завёртку, запрягла, села, дернула вожжи, лошадь-то у ё и пала. Ох тут она и заревела. Ревела-ревела, я и не знаю, куда и девалася, может, все ещё там сидит на дороге да ревёт.

Божий дар V

Была одна бедная вдова, и потерялся у нее гусь. Пошла она своего гуся искать и нашла у попа в ограде. Стала просить попа, чтобы он ей его отдал. Поп и отвечает: «Я его сюда не загонял, его Боженька мне послал». «Как это так?» — «Я сегодня всё утро Боженьку просил: «Пошли, Господи, к моим именинам мясца». Вот он видно и послал». Так вдова домой и ушла с пустым рукам. Проходит три дня. Вечером, когда коровы домой шли, вдова заприметила, что рядом с её коровой бык идёт. Открыла она ворота, бык и зашёл во двор. Вдова быстро мужиков созвала, они закололи быка, а шкуру повесили сушиться. Тут идёт мимо поп. Смотрит: шкура-то его быка. Давай он вдову ругать: «Что ты натворила, зачем ты моего быка заколола?» Вдова и отвечает: «Мне его Бог послал».— «Целого быка?» — удивился поп. — «А я целый день у Бога молила».

Про скупого попа

В одном богатом приходе был беда скупой поп. А работника своего дотемна заставлял работать, кормил всего один раз в день. Работник мучился-мучился и ушёл от попа. Поп другого нанял. Вот как-то раз будит поп работника и ему наказывает: «Съезди-ко, мужик, по сено, а потом на мельницу».— «Может, поесть сперва дашь, батюшка? Не евши-

то плохо работать».— «Знаю, только хлеб ещё спит, иди. Приедешь — потом и поешь». Потом так потом. Запряг мужик лошадь, поехал к звонарю и завалился у него спать. Потом приходит снова к попу. «Ну что, привёз сено?» — спрашивает поп. Почесал работник в затылке: «Видишь ли, батюшка, стог-от тоже ещё спит».

Как мужик гусей делил

Одному бедному мужику не хватило хлеба, и он решил попросить у барина. Зарезал он гуся, зажарил и понёс к барину. Барин взял гуся и говорит: «Спасибо тебе за гуся, только я не знаю, как его разрезать. У меня есть жена, два сына и две дочери». Мужик и говорит: «Я вам на всех разделю». Взял ножик, отрезал гусю голову и дает её барину: «Вы, барин, в доме голова, поэтому вам голова». Потом отрезал гузку и поднёс барыне: «Тебе надо дома сидеть, за семьей присматривать, получай хвост». Ноги сыновьям отдал: «Будете по отцовой дороге идти, купцами станете». Дочерям крылья достались: «Скоро из дому улетите». А что осталось, себе взял, всю тушку. Обрадовался барин, дал мужику хлеба и еще денег. Тут услышал богатый мужик, что барин дал бедняку денег и хлеба за гуся, тоже ему этого же захотелось. Зарезал пятерых гусей, зажарил и барину отнес. Только разделить вот не смог, как бедный разделил. Послал его барин за бедняком. Пришел бедняк и давай гусей делить. Одну тушку дал барину с женой: «Теперь вас с гусем трое». Второго гуся дал сыновьям и сказал: «И вас теперь тоже трое». Себе взял остальных двух гусей и сказал: «И нас теперь тоже стало трое». Понравилось это барину, он еще бедняку денег дал.

Умелый вор

Жил-был один мужчина, и было у него три сына. Вот умер он, и сыновья остались. А у их дядя-то был богатый. Первый сын пришёл к ему и просит: «Научи, дядя, богато

жить». Ладно, повёл он его в лес, а там на дереве человек висит. «За что это он, дядя, тут висится?» — спрашивает первый сын. «За кражу»,— отвечает тот. Сын испугался и убежал. Потом середний сын пошёл к дяде и просит его, чтобы тот научил его богато жить. Повёл тот его в лес, а там на дереве человек висит. «За что это он, дядя, тут висится?» — спрашивает средний сын. «За кражу». Середний сын тоже испугался и убежал. Потом младший сын пошёл к дяде и просит его, чтобы тот научил его богато жить. Повёл тот его в лес, а там на дереве человек висит. «За что это его, дядя?» — спрашивает младший сын. «За кражу». Сам взял дубинку и давай мертвое тело лупить да приговаривать: «Умел воровать — концы прятать». После пошли они по дороге. Видят: едут тут хохлы на телегах, на быках. Дядя и говорит младшему сыну: «Залезай на ёлку и кричи — дескать, беда». Тот полез и кричит: «Беда, беда!» Один хохол говорит другому: «Пойдём, посмотрим, что за беда такая». Пошли, ничего не увидели. А вернулись, смотрят: одного быка нет. Дядя-та взял его, отвязал, хвост отрезал и другому быку в рот запихал, а самого быка — себе на мясо. Хохлы-те и говорят: «Не там беда, а тут беда, бык быка съел». Ладно, дядя с племенником пришли домой с мясом, тот и спрашивает: «Что ты мне дашь, дядя?» — «Да хоть вон кожу». Ладно, кожу взял, отошёл, взял дубинку и давай её дубинкой обхаживать. А сам кричит: «Не я крал, дядя крал!» Дядя тут испугался, убежал от мяса. Младший сын забрал его себе. А вот везти-то не на чем. Пошёл на дорогу. Видит, кто-то едет к ему, подъехал и спрашивает, не видал ли он туто двух мошенников. Сын и говорит: «Видел-видел».— «Дак помоги же мне их поймать». — «Ладно, только там у меня на дороге шляпа оставлена, а под шляпой сокол сидит, он триста рублей стоит» (а сам на дорогу-ту наср... и шляпой кучу закрыл). Проезжий дал ему триста рублей и лошадь оставил, сам пошёл по шляпу. А сын-то в ту пору уехал, с мясом-то. Проезжий-то сунул руку

под шляпу, чтобы сокола поймать, а поймал-то не сокола, конечно, тут и понял, что это самый мошенник и есть. Вот и пошёл про младшего сына слух, что он вор. Дошёл этот слух до самого царя, тот его к себе и спрашивает: «Ты — вор?» А тот и говорит: «Поймаешь меня, дак вор, а попробуй поймай».— «Укради у меня лошадь». Царь посадил трёх сторожей лошадь караулить, один держал её за хвост, другой за брюхо, третий за голову. А младший сын купил четверть вина и полез на крышу у конюшни, тамо нашёл дырку и льет в её вино. Одному охраннику в рот попало, тот кричит: «Винная роса выпала!» Поставили шляпу, в её набежало, они выпили, пьяные стали и уснули. Тут младший сын спустился и увёл коня. Царю докладывают, что коня украли. Царь к себе этого младшего сына: «Ты?» — «Я».— «Ладно, другое тебе задание, укради кольцо у моей жены».— «Ладно». Вот легли царь с женой спать, а младший сын стоит за дверью. Посреди ночи царь в уборную пошёл. Младший сын заходит в спальну, будит жену и говорит жене как голосом царя: «Дай мне кольцо-то, а то его придут сегодня воровать». Та дала и снова спать. А сын-то сказал: «Я схожу в уборну». Сам ушёл. Вот царь приходит, спрашивает: «Где кольцо?» — «Дак я тебе его отдала». Вызывает царь младшего сына, спрашивает: «Ты кольцо украл?» — «Я».— «Последнее задание тебе — укради мою барыню».— «Ладно». Купил младший сын новые сапоги и один бросил на дорогу, прежде в его наклал. Другой подальше оставил, у мосту. Вот поехала барыня у царя с кучером кататься. Видит кучер, вовсе новый сапог лежит. Барыня ему велит: «Возьми сапог». Тот пошёл, проверил и говорит: «Дак в ём г...» Едут дальше. Подъезжают к мосту, видят другой сапог, тоже новый. Барыня велит кучеру: «Возьми его, потом и по тот сходи, вымоёшь его и всё, они ведь парные». Пока кучер ходил, младший сын и украл барыню. Едет с ней и думает, на что она ему нужна. Подъехали к речке, видит — черти. Он у их спрашивает: «Вам надо ба-

рыню?» — «Счас у старшего спросим». Пошли к старшему чёрту, решили, что будут её выкупать. А младший сын запросил за её шляпу золота. Шляпу положил на землю, а снизу яму выкопал. Вот черти принесли золото — мешок, высыпали, потом другой принесли, всё шляпа не полна, после только наполнили. Черти барыню забрали, а младший сын золото на воз и уехал.

Сказка-несказка

Жил один старичок со старушкой. А она у его была такая ерохнутая* — не давала ему спокойной жизни. Ей всё было мало. Вот настал август, наросли грибы. Пришел старик с работы со своей. «Ну чё, старый, устал?» Посадила его за стол, картошка с солью — вся ему еда. Сидит он, ест. Старуха заходит: «Чего сидишь-то, взял бы корзину, пошёл бы по грибы». Старик пошёл. Пришёл в лес, нашёл грибов вволю. Да вот только заблудился — отемнал*, поздо стало. А надо домой попадать. Сидит на пенёчке, горюет: «Хоть бы меня леший вывел». А леший тут как тут: «Че у тебя, старик?» — «Так и так, заблудился, не знаю, как в деревню выйти».— «Я тебя выведу, только с условием: ты мне должен привести в этом же году такого зверя, которого я еще не видал». А как же он мог не видеть — он ведь хозяин леса, всех зверей знает. Ладно, старичок согласился. Привёл его леший в деревню.

Вот живут старик со старухой месяц, другой, время идет, скоро год кончается, старик запереживал. Старуха видит: дело неладно, спрашивает: «Чего ты, Сёмушка, невеселый стал?» Старик сознался, в чём дело. Уже настало последнее время, ему в двенадцать часов ночи надо к лешему идти. Старуха ему и говорит: «Пойдём». Подхватила его под руку, пошли. Старик говорит: «Счас моя жизнь будет кончаться». А старуха успокаивает: «Мы лешего обманем». Снимает тут она с себя всё, остается в чём мать родила-наградила и гово-

рит: «Садись на меня!» Он сел, она распустила волосы, велит лешего звать. А леший уже тут, смотрит на их. Старик ему говорит: «Вот, я тебе привёл вот такого зверя, видал ты его раньше или не видал?» Леший посмотрел: «Нет, не видал. А чем этот зверь питается — у его один зуб, да тот шатается?» — «Ест, чего Бог пошлёт». Ладно, леший отпустил старика: «Иди домой, можешь дальше жить».

Про солдата

Ходил солдат по саду вокруг богатого дома, с сашкой*-саблей. Навстречу ему попадает жучок. Солдат его бы убить ладит*, а тот ему говорит: «Я тебе пригожусь, дай мне лучше пятачок». Солдат дал ему пятачок, отпустил. Потом мышонок попал встречу, тоже пятачок выпросил, потом таракашек, также. Солдат всем дал, всех отпустил. Пошёл в богатый дом. А там была семья, и была у их дочь. Солдат давай за её свататься. А та хотела за богатого мужика, он тоже в ту пору пришёл свататься. Отец девки рассудил: «Спите сёдне у нас, лежитесь на пол все вместе, с девкой в серёдках. В которова сторону она ночью повернётся, за того и пойдёт». Вот, легли они. Мышка середи ночи будит солдата: «Я выгрызу в кадушке дырочку, таракашек из её мед вытащит, а жучок размажет богатому жениху по усам. Все подумают, что он ночью мёд воровал». Так и сделали. Пришлось отдавать за солдата. А невесте всё равно солдат не гленётся*. Она велит богатому-то: «Мне надо, чтобы ты солдата в речку бросил». Богатый подловил его, бросил. Только солдат всё равно не утонул, вернулся невредимый. А невеста уж с богатым-то сошлась. Солдат решил отомстить. Ему тут старушка встретилась, он ей всю историю рассказал, она и говорит солдату: «У меня в саду есть чудесные яблоки. Съешь розовенькое — бравый молодец будешь, а красное съешь — козлом станешь, а есть еще человечье яблоко». Взял солдат у её все три яблока. Съел розовенькое — помолодел. Пошёл

в дом, где его жена с богатым жила, угостил жену козловским яблочком, она стала злая козлиха, всех калечит. Солдат говорит: «Это у её такая болесть, я её вылечу, только баньку истопить надо». Взял с собой в баню нагайку, так её отходил, всю шерсть отбил. Потом дал человечье яблоко, она стала молодая и здоровая, тут уж они стали хорошо жить.

Горшок с кашей

Годы голодные были. В лес ходили, коренья вырывали и ели. Однажды пошёл в лес дед. А там разбойники. Сидят, что-то варят. Он испугал их, они и убежали. Он этот горшочек взял. Горшочку говорит: «Леваш — леваш». Горшок, значит, наполняется жидкостью. Как полный будет: «Крякиш», — и делается каша. Сама заваривается. Он пойдёт в лес. Там это приготовит во дворе, наестся, а старухе: «Руки не кормят». А сам опять этой каши наестся. Старуха: «Чего-то неладно». Давай его тоже караулить. Подкараулила. Ага. Ладно. Будет теперь знать, чем старик питается. Старухе: «Руки не кормят»,— а сам кашу ест. Она пошла в лес, принесла корчонку*, говорит: «Леваш — леваш», а «Крякиш»-то забыла сказать под послед*. Корчонка уж полная налилась, она своё: «Леваш — леваш». Вода — в избу. Старуха не знает куда деваться: «Леваш — леваш» — и вс». Старик пришёл, двери открыл — вода так и хлестнула. Испугался, да закричал: «Крякиш» — и каши-то вывалилось много-много, стали они толда сыто жить.

Сказка про сапоги V

Раньше мужики все в лаптях ходили. Вот одному захотелось в сапогах пофорсить. Купил себе сапоги, а надеть их не может. Жена ему советует: «Ты с лавки сапоги надевай».— «Как это — с лавки?» — «Я тебе их подставлю, а ты в их прыгай». Стал мужик с лавки в сапоги прыгать, да всё промахивается, на пол падает, ушибается. Начал на жену шу-

меть, что мол неправильно она ему сапоги подставляет. Жена ему кричит: «Это у тебя ноги такие кривые. Попробуй с печки прыгнуть». Мужик чё, давай с печки. Прыгнул, тошняя* того убился, сидит на полу, слёзы льёт. А о ту пору идет мимо дома человек, рёв-то услышал, зашел спросить, в чём дело. Мужик ему свою беду рассказал. Человек ему показал, как сапоги надевать надо.

Четыре брата и ружьё

В глуши одной жили четыре брата, занимались охотой. Ружья у них не было, они даже не знали, что это такое, только старший брат его один раз где-то видел. И вот один раз находят они на берегу реки ружье, коробку с порохом. Сразу решили идти на медведя. Стали ружьё заряжать, а сколько пороху сыпать, не знают. Решили попробовать, если мало — еще надсыпать. Зарядили, а выстрелить каждому охота. Решили все вместе стрелять. Один за приклад взялся, другой перед прикладом встал, третьему дуло досталось, а четвертому, младшему, не за что браться. Он решил смотреть, как дробь вылетать будет. Спустили курок — «бах» — и младший брат на землю упал. А братья кричат ему: «Не вставай пока, может, ещё раз стрелит».

Семеро Агафонов

Семь братьев как были Агафоны. Жили они одне себе. Вот поехали они на реку кататься в лодке, а тёмно стало. Они огонь сделали в лодке. Огонь сделали, а лодка загорелась. Они побежали на колодец за водой, с реки-то. Потом поехали в город. Лошадь запрягать начнут, хомут сзади одевают. Тянут, тянут, одевают. Идут деревенские, братья спрашивают у них: «Как лошадь запрягчи?» Ну, те показали. Ладно. Запрягли, поехали. Ехали долго ли, коротко ли — лошадь пристала*. У них у всех котомочки, сами сидят на санях, все семь штук, все раскрашенные, сказка. Лошадь не

идёт, котомки сняли, а сами сидят, мол, легче будет. Ладно. Ехали маленько, ехали, у саней оглобля сломалась. Давай её тянуть. Тянули-тянули эту оглоблю, кто-то идёт: «Вы чего делаете?» — «Оглоблю тягаем». Срубили берёзку, сделали, поехали. Ночь настала. Приехали в деревню, распрягли, улеглись, уселись. Всё. Утром встают: считать надо друг друга. Один считает, считает, насчитал — шестеро. Один потерялся. Себя — то забыл посчитать. Все пересчитали — всё равно выходит шестеро. Хозяин говорит: «Вы что делаете?» — «А вот у нас один потерялся».— «Сколько штук было?» — «Семь».— «Дак вы все вот на печке сидите». А поехали домой, дак оглоблю давай переворачивать, на свою сторону сделали: они в городе были, дак тожно из города ехать. Уселись в сани, поехали. Ехали-ехали, по времю уж бы домой доехать. Посмотрели: все в городе. Чё с их возьмёшь? Семь Агафонов да все бестолковые, и мы тоже Агафоны.

Глухие да слепые

Пошли глухие да слепые горох воровать. Раньше межи были. Идут воровать, а тут межа. Слепая говорит: «Межа!» — глуха-то недослышала, ей показалось: «Бежать». Она изо всех ног.

*Мужики-тасимчи**

Жили в одной деревне мужики-тасимчи, беда бестолковыё. Придумали себе церкву строить — у всех есть церква, у нас нету. Живо состроили каку-то балагушечку*. Надо, думают, ишшо колокольню. Сделали. Тожно надо колоколо, где его взеть? Придумали лыко надрать и из его сплести. Сказано — сделано. Сплели колоколо, повисили, за веревку дернули, никакой звон не идёт, только «Шлык!». Имя и чуется: «Ишшо лыко». Давай ишшо лыко приплетать. А колоколо все однако: «Шлык да шлык». Сколь бы оне, бедные, промаялись, да туто ветер сильной стал, у их колоколо-то сдуло

на землю. Лежит колоколо на крапиве, качатся, поди всё ещё лежит.

Присказка

Шёл медведь по болоту, встал на колоду, бух в воду: кис, кис, мок, мок. Выкис, вымок, вылез, высох. Встал на колоду, снова бух в воду. Снова кис, мок, выкис, вымок, вылез, высох, встал на колоду, опеть бух в воду...

Сказка долгая

Пришёл дедушка к бабушке: «Что пила, ела?» — «Сыр да маслечко, яичко красненько».— «А оставила мне?» — «Оставила».— «А где?» — «Нету. Собачки съели».— «А где собачки?» — «В лес убежали».— «А где лес?» — «Огнём сгорел».— «А где огонь?» — «Водой залили».— «Где вода?» — «Быки выпили».— «Где быки?» — «В гору ушли».— «А где гора?» — «Черви выточили».— «А где черви?» — «Гуси выклевали».— «А где гуси?» — «На березник улетели».— «А где березник?» — «Девки выломали».— «А где девки?» — «По замужьям ушли».— «А где мужики?» — «На войну ушли».— «А где война?» — «Посередь гумна*».

Присказка-нескладуха

Жили-были старик со старухой, клали в одну коробуху*. Вот наклали серебруху. На ту серебруху купили петуха. А петушок коточик* потерял да денежку нашёл, серебруху тожо, на тыё серебруху купил молодуху. Молодуха молода, растворила киселя. Петушок-от хлебнул да в реке утонул.

Словарь местных слов и выражений

Балагу́шечка — избушка
Базла́ть — громко кричать
Ба́йкать — баюкать
Блословить — благословить
В суго́нь — вдогонку
Ворожёц — кто ворожит, гадатель
Гля́нуться — нравиться
Го́лбец — подпол
Горе́вье — горе
Грань — просека
Гу́бки, гу́бы — грибы
Гумно́ — место для молочения снопов
Дёвнуть — деть куда-л.
Допе́трить — догадаться
Доткну́ть — доткать
Друго́редь — в другой раз
Ерохнутый — не в меру беспокойный
Е́ства — пища
Забе́дно — завидно
Зато́ркаться — застучать
Зимого́р — частое на Урале название отчаянного, бесшабашного
Идь — поезжай
Испристать — сильно устать
Кабы́ть — как раз
Кожа — шкура животного
Кожури́на — шкура
Коробу́ха — ящик для хранения добра
Корчо́нка — горшок
Коточи́к — плоский крючок для плетения лаптей
Ла́дить — собираться
Ли́шанка — лесенка
Набе́рушка — корзинка
Надия — надежда
Начи́лькать — нацедить
Нашобо́льничать — допустить ошибку.
Некорыстненький — невзрачный
Оболока́ться — одеваться
Оди́нова — однажды
Отемна́ть — оказаться застигнутым темнотой

Отжи́ть — отомстить
Отце́ля — отсюда
Очуня́ть — прийти в себя
Ошпе́ндить — ударить
Парничо́к — мальчик
Пе́рво — сначала
Пестерь — заплечная сумка из лыка или бересты
Плетенёчка — корзина
Пого́да — буря, непогода
По́ло — открыто
Принести ребят — родить
Приста́виться — притвориться
Пучи́на — живот
Разболока́ться — раздеваться
Са́шка — шашка
Сбреть — схватить
Сва́тальщик — сват
Се́дала — место для сидения кур
Спровда́ть — справиться
Ссопе́ть — жадно съесть
Таволо́тка — ветка таволги, степного деревца
Таси́мец — обидное название недалеких, глупых
Тожно́ — теперь
Тошня́я. *В сочетании тошняя тово* — сильнее того
Тусо́к — туесок
Узги́ — губы
Усморо́довать — подкараулить, выследить.
У́хать — крича звать
Учу́ть — услышать, почуять
Фу́рнуть — бросить
Хво́стнуть — ударить
Чу́тко — слышно
Швы́чнуть — хлестнуть

Комментарии

Про мужика и медведя. Зап. Абрамовой М., Хоробрых С., д. Неволино Еловского р-на от А. С. Черных, 1923 г. р. Аналог известной сказки «Медведь», опубликованной еще А. Афанасьевым (записанной в Осинском уезде Пермской губернии). Представленная версия содержит замену сцены жестокой расправы медведя над стариком и старухой. В тексте, опубликованном А. Афанасьевым, содержится несколько другой текст песни медведя; имеются варианты зачина (старик пошёл в лес, потому что старухе захотелось медвежьего мяса), варианты концовки (старики спрятались от медведя, когда он зашёл к ним в дом, кузов, в котором спрятался старик и который висел над дверью, оборвался, и старик упал, отчего медведь испугался и убежал).

Выл-выл волчок. Зап. от М. Я. Обуховой, 1930 г. р., д. Бычина Красновишерского р-на. Вариант сказки «Волк без ноги», в свою очередь связанной со сказкой «Медведь — липовая нога». В сюжете отсутствует концовка сказки «Волк без ноги», когда волк все-таки съедает старуху.

Кот да петух. Зап. Н. Ф. Пьянковой от Н. Г. Лыбиной, 1903 г. р., с. Цидва Чердынского р-на. Вариант известной сказки «Кот, петух и лиса». В классическом сюжете лиса съедает петуха. А. Афанасьев приводит и другую концовку сказки — кот побеждает «Лиса-фью» (у неё не три дочери, а три сына — Терентьюшко, Мелентьюшко, Алёша-парничок и четыре дочери — Чучелка, Почучелка, Подмети-шесток, Подай-челнок) саблей.

Маша и медведь. Зап. от М. Д. Чугиной, 1899 г. р., с. Камгорт Чердынского р-на. Сказка повторяет сюжет известной сказки «Морозко» и находится в русле других переделок, где девушка попадает не к Морозке, а, например, к бабе-яге или другому демоническому персонажу типа Кобылья голова. Отмечены соответствия с опубликованной А. Афанасьевым сказкой «Дочь и падчерица».

Сказка о лисе и зайце. Зап. от В. М. Яговцевой, 1930 г. р., с. Уролка Соликамского р-на. Сказка совпадает с известным сюжетом «Лиса, заяц и петух». Как отмечает А. Афанасьев, сходные с приведенным текстом детали отмечены в архангельском варианте сказки (угроза лисы «Вот я тебя, петушища, по коленам-то

поленом» — ср. угроза лисы зайцу — «У меня хвостище-помелище, я тебе им глаза выхлещу»).

Коза-дереза. Зап. от Т. М. Попковой, 1972 г. р., д. Ощепково Усольского р-на. В варианте, записанном от П. С. Мяндиной, 1904 г. р. в с. Бигичи Чердынского р-на коза каждый раз поёт: «Бежала я через лужочик, хватила травку-листочик, бежала я через ричку, хватила капку-водичку». Старик не убивает жену и дочь, только ругает, избивает на третий раз козу, обдирает ей полбока. Она убегает в лес, поселяется в избушке, где жили петух да зайчик, когда они приходят, она пугает их с печки: «Я — коза-дереза, полбока луплено, за три гроша куплена, не пущу домой!» В финале приходит петух с косой в руках, говорит козе: «Иду-иду, в руках косу несу, тебе голову снесу!» Коза испугалась, упала с печи и убилась. В приведённом сюжете ощущается связь с традиционной сказкой «Коза-дереза» и сказкой «Коза луплена», со сказкой «Кот, петух и лиса». В некоторых случаях, по А. Афанасьеву, лису выгоняет из дома не петух, а пчела.

Горшок. Зап. А. Горбушиной, Н. Заякиной в 1972 г. от А. Н. Ивановой, 1906 г. р., Соликамский р-н. Сказка подобна известным сюжетам типа «Зимовье зверей», «Терем-теремок». Традиционно в подобных сюжетах звери прогоняют врага (волка, разбойников и пр.), пытающегося занять их дом, в приведенном же сюжете имеет место редкое для сказок включение лесного дяди (лешего).

Как заяц охотника проучил. Зап. в г. Краснокамск от М. Ф. Козловой, 1923 г. р. Сказка повторяет сюжет многих сказок типа сказки «Воздушные замки», зафиксированной А. Афанасьевым сказки «Разрушенные мечтания», где герои мечтают о том, что скоро разбогатеют (например, продав найденный кувшин с молоком, кадку с мёдом и пр.).

Царская дочь. Зап. И. А. Подюковым в 1981 г. от Е. Н. Новиковой, 1912 г. р., д. Перино Карагайского р-на. Аналог широко известной сказки «Три царства: медное, серебряное, золотое», где сыновья идут на поиски царевны и мужичок с ноготок (в данном тексте — аршиной мужик) калечит их, но младший брат его побеждает.

Закаменный лес. Зап. И. А. Подюковым в 1974 г. от А. Ф. Сторожевой, 1913 г. р., д. Усть-Уролка Чердынского р-на. Аналог известной сказки «Три царства: медное, серебряное, золотое», пред-

ставленной в данном сборнике сказки «Царская дочь». Название дано сказительницей и не вполне ясно.

Про Идола и Ванюшку Медвежье ушко. Зап. от М. Ф. Трофимовой, 1924 г. р., с. Уролка Соликамского р-на. Близка к сказкам типа «Медведко, Усыня, Горыня и Бубыня — богатыри».

Иван-королевич и леший. Зап. И. А. Подюковым в 1981 г. от Е. Н. Новиковой, 1912 г. р., д. Перино Карагайского р-на. Построена по аналогии со сказками типа «Медный лоб», где царевич освобождает пленника и за это изгоняется, затем терпит беды от своего дядьки, получает чудесную помощь и женится на царской дочери.

Царевна и солдат. Зап. от А. А. Овчинниковой, 1920 г. р., с. Дубовое Берёзовского р-на.

Олёнушка и Бурёнушка. Зап. И. А. Подюковым в 1972 г. от М. И. Михалевой, 1901 г. р., д. Кормино Карагайского р-на. Представляет сильно деформированный сюжет сказок о неродной дочери, о Бурёнушке, содержит ряд чрезвычайно архаичных элементов (например, превращение героини в рысь, подмена жены).

Про ведьму-мачеху. Зап. И. А. Подюковым в 1974 г. от З. М. Шаламовой, 1909 г. р., д. Усть-Уролка Чердынского р-на. Сказка близка к сюжетам типа «Дочь и падчерица», многим сюжетам сказок о Бабе-яге.

Про золотых ребят. Зап. от Е. Г. Белкиной, 1917 г. р., д. Белкино Соликамского р-на. Сказка повторяет сюжет широко известных сказок (см. в настоящем издании сказка «Три царских сына»).

Три царских сына. Зап. от Т. М. Сазоновой, 1888 г. р., д. Поськино Соликамского р-на. Сказка отражает сюжет известных русских сказок (в том числе и обработанный А. С. Пушкиным в его «Сказке о царе Салтане»).

Волшебное колечко. Зап. от Т. Т. Ульяновой, 1940 г. р., с. Редикор Чердынского р-на.

Змей Горынович. Зап. от Ф. Попковой, д. Ощепково Усольского р-на. Трансформация известного сюжета о Змее Горыныче.

Баба-Яга. Зап. от А. А. Овчинниковой, 1920 г. р., с. Дубовое Берёзовского р-на.

Сын из вороньего гнезда. Зап. от Т. М. Попковой, д. Ощепково Усольского р-на. Сказка сходна с другими сюжетами о необычном, «чудесном» рождении (например, со сказкой «Глиняный паренёк», где герой также начинает объедать своих «родителей»).

Про Бабу-ягу и Нюрочку-девчурочку. Зап. от А. Муровой, 13 лет, д. Бараново Усольского р-на. Сходна с публикуемыми сказками «Анна-Снежурка», «Анна-Снеженичка».

Анна-Снежурка. Зап. И. А. Подюковым в 1989 г. от Н. Г. Нефедовой, 1913 г. р., д. Н. Залесное Осиновского р-на. Сказка широко известна не только на Урале. Публиковалась под названием «Девушка-Снежурочка» Д. Н. Зелениным в «Великорусских сказках Пермской губернии, Афанасьевым, Садовниковым, Ончуковым («Сестра-убийца», «Чудесная дудка»), Бирюковым. Известны сходные сюжеты в башкирских сказках. В представленных вариантах опущено начало (часто в старых записях Нюрочку-девчурочку дед да баба лепят себе из снега).

Анна-Снеженичка. Зап. от К. С. Калиной, с. Бичиги Чердынского района. В сходной сказке «Три сестры», записанной в д. Лекмартово Чердынского р-на от А. И. Васильева,1925 г. р., рассказывается о коростливом медведе: «Три девочки-сестры пошли по ягоды и вышли на избушку медведя, а он коростливый был, страшной. Сам из коросты кашу варил. Все девочки ели, а одна не стала. »Кто кашу не ест, тот останется со мной,» — сказал медведь. И оставил с собой девчонку, она с им так и жила».

Дудочка. Зап. от Н. Г. Лыбиной, с. Цидва Чердынского р-на. Сходна со сказками «Девушка-Снежурочка», «Чудесная дудка».

Девушка-берёза. Зап. от Селяниновой Е. М., 1934 г. р., с. Пянтег Чердынского р-на.

Марфита Прекрасная. Зап. от А. П. Филипьевой, 1907 г. р., с. В. Мошево Соликамского р-на.

Сказка про людоеда. Зап. от А. А.Овчинниковой, 1920 г. р., с. Дубовое Берёзовского р-на.

Содержание

От составителя 3

Сказки о животных 7
Про мужика и медведя 7
Выл-выл волчок 8
Кот да петух 9
Маша и медведь 11
Сказка о лисе и зайце 12
Коза-дереза 13
Горшок 14
Как заяц охотника проучил 15

Волшебные сказки 17
Царская дочь 17
Заколдованный лес 20
Про Идола и Ванюшку Медвежье ушко 22
Иван-королевич и пеший 23
Царевна и солдат 28
Олёнушка и Бурёнушка 29
Про ведьму-мачеху 30
Про золотых ребят 32
Три царских сына 33
Волшебное колечко 35
Змей Горынович 36
Баба-Яга 37
Сын из вороньего гнезда 37
Про Бабу-ягу и Нюрочку-девчурочку 38
Анна-Снежурка 39
Анна-Снеговичка 41
Дудочка 42
Девушка-берёзка 43
Марфита Прекрасная 44
Сказка про людоеда 45

Бытовые сказки 47
Алёнушка и братья разбойники 47
Сказка про зимогора 47
Ленивый Касьян 48
Про Ивана 49
Нищая и лапоть 49
Божий дар 52
Про скупого попа 52
Как мужик гусей делил 53
Умный вор 53
Сказка-несказка 56
Про солдата 57
Горшок с кашей 58
Сказка про сапоги 58
Четыре брата и ружьё 59
Семеро Агафонов 59
Глухие да слепые 60
Мужики-тасмачи 60
Присказка 61
Сказка долгая 61
Присказка-нескладуха 61

Словарь местных слов и выражений 62
Комментарии 64